

ТАТЬЯНА
АБАЛОВА

18+

СТАНЦІЇ
СО МНОЮ
танго

Татьяна Абалова
Станцуй со мной танго

«Автор»

2018

Абалова Т.

Станцуй со мной танго / Т. Абалова — «Автор», 2018

В жизни Скворцова было несколько любимых женщин. С одной научился целоваться, с другой на практике изучил Камасутру и был благодарен своей учительнице, когда сумел поразить первую, третья чуть не стала женой, но автомобильная авария сделала из него неинтересного жениха, и невеста сбежала, четвертая за один вечер вытащила из депрессии и могла бы стать единственной, но вот незадача: Леонид не знает, как ее зовут, и даже не представляет, как она выглядит. Запах терпких духов, рыжие волосы и чарующие звуки танго - вот и все, что он помнит о полном страсти вечере.

© Абалова Т., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Лекарство от хандры	5
Глава 2. Первый поцелуй Рыбы	13
Глава 3. Три позора из жизни начинающего кобеля. Позор номер один	19
Глава 4. Губит людей не пиво	24
Глава 5. Семья в беде не бросит	29
Глава 6. Шаганэ ты моя, Шаганэ. Позор номер два	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Абалова

Станцуй со мной танго

Глава 1. Лекарство от хандры

– Нет, я не пойду на танцы. Александра Михайловна, неужели вы не видите, какой я?

– Какой ты, Скворцов? Сидишь в инвалидном кресле? Нет. Одна нога короче другой? Нет. Что ты манерничаешь как девственница? Сказано, танцы необходимы для укрепления мышц спины, вот и следуй предписаниям доктора.

Александра Михайловна – хирург районной больницы сосредоточенно выписывала «рецепт» для сына своей давней подруги. Тося позвонила ей неделю назад и, всхлипывая, пожаловалась, что Леонид потерял интерес к жизни, на контакт с ней, матерью, не идет, отмалчивается.

– Тося, а его гражданская жена что говорит?

– Ты об Ольге? Эта стерва вещички собрала, когда Лёничка еще в больнице лежал. Как узнала, что машина в хлам, а у мальчика серьезная травма позвоночника, грузчиков вызвала, мебель и технику вынесла и была такова. Я заикнулась, мол, в полицию нужно обратиться, а он молчит. Только желваки ходят. Саша, помоги.

– На спину жалуется?

– Он вообще ни на что не жалуется. Вижу, иногда морду кривит, когда к шкафчику за чашкой тянется или уронит чего.

– Хорошо. Я через пару дней вызову его на осмотр.

– Только не проговорись, что я просила.

– Не переживай, подруга, выгащим твоего Лёничку из депрессии. У меня отличное лекарство есть.

– Я тоже с ним попою. Всю душу себе измотала, на него гляючи.

– Поберегись, подруга. Лекарство сугубо мужское, – хмыкнула Александра, и у Тоси зародилось подозрение, что о классическом лечении можно забыть.

– Тетя Саша! – Леонид – крепкий черноволосый мужчина тридцати лет, сидел на стуле так, словно проглотил кол, непроизвольно оберегая спину, опасаясь лишний раз пошевелиться.

– Забудь тетю Сашу. Я как доктор тебе говорю, не пойдешь на танцы, будешь всю жизнь к маме обращаться, чтобы шнурки завязала. И не бойся, детка, я же тебя не на балет отправляю.

– Румба? Ча-ча-ча? Тетя Саша...

– Лёничка, какая тебе разница? – она подняла усталые глаза, и ему стало стыдно, что своим нытьем отнимает время у женщины, простоявшей четыре часа за операционным столом. Александра Михайловна поняла по-другому: – И рожу попроще сделай, еще спасибо скажешь.

Леонид, выходя из клиники, растерянно смотрел на «рецепт», выписанный едва разборчивыми почерком: «Улица Петипа, 12». Ни номера телефона, ни названия клуба. И как согласился? Наваждение какое-то.

Через мгновение бумага скрутилась в плотный шарик и щелчком пальца отправилась в урну.

– Такси!

Квартира встретила тишиной. Часы, что чересчур громко отмеряли время, после больницы первыми отправились в мусоропровод. Зря мать костерила Ольгу, она сделала ему подарок, убравшись из квартиры вместе с мебелью и шмотьем. Ему ничего не нужно.

Раскладушка, которую с дачи привезла мать, так и осталась стоять в коридоре. Не понимает, что сын не демарш устроил, валяясь на тонком матрасе. С травмами позвоночника противопоказана мягкая постель.

Леонид не представлял, как заставил бы Ольгу лечь рядом с ним на пол. Она ни за что не спустилась бы с мягкого и комфортного ложа. А для него сон врозь, все равно, что секс через стекло: вроде рядом, а до мягкой груди не дотянешься.

С Ольгой он познакомился два года назад на выставке. Она представляла компанию конкурентов, сделавших ставку на красоту девушек-моделей, которые непременно привлекут внимание к выставочному стенду. Леонид же рассудил иначе, послав группу специалистов, которые могли грамотно, а главное – увлекательно, рассказать о продукции его завода.

Неизвестно, выстрелила или нет затея конкурентов в коммерческом плане, но в отношении самого Леонида они точно попали в цель. Высокая, где-то под метр восемьдесят, брюнетка издали притягивала взгляды. Работающая в паре с ней блондинка пользовалась не меньшей популярностью, поэтому у стола с каталогами толпились в основном мужчины.

Леонид, приехавший на третий день выставки, сначала почувствовал досаду, но понаблюдав, отметил, что у стенда завода «Модуль» висят большей частью любители флирта, а не реальные покупатели.

– А пойду-ка и я внесу лепту в развал планов модульчиков, – подмигнул своим Леонид, поправляя дорогой галстук. Он направился к брюнетке – темноволосые женщины всегда заводили его больше.

Девушка, не подозревая о том, что бойко рассказывает о преимуществах сэндвич-панелей директору аналогичного предприятия, тыкала длинным ногтем то в одну, то в другую диаграмму, а Леонид упивался чувством прекрасного.

Красная помада делала губы модели такими чувственными, что Леонид невольно представлял, как проводит по ним большим пальцем, стирая четкую границу краски, а потом жадно целует.

Когда девушка после длинной тирады набрала воздух в легкие, взгляд Леонида переместился на натянутую на груди ткань, где маленькая пуговица едва сдерживала напор, и достаточно было тронуть ее, чтобы половинки рубашки распахнулись и явили свету ложбинку между тугими полушариями. Фантазия тут же унесла Леонида в этом направлении. Он словно наяву увидел влажный след, который его язык оставил бы на покрытой испариной коже женщины, задыхающейся в преддверии оргазма.

Тряхнув головой, чтобы вышибить непристойные мысли, Леонид поднял глаза и обнаружил, что модель, улыбаясь одной из самых загадочных улыбок, тоже внимательно изучает его.

– Мне нужна ваша визитка, – мягко произнесла она, протягивая пакет с логотипом компании, куда уложила каталог и сувениры.

– Тогда вы будете знать, как меня зовут. Для справедливости прошу назвать и свое имя.

– Я безымянная. Для контакта с заводом вам достаточно визитки специалиста, прикрепленной к каталогу.

– Хорошо, – улыбнулся Леонид, доставая из внутреннего кармана костюма металлическую визитницу.

Девушка приняла карточку и, не глядя, прикрепила ее степлером к странице пухлого от множества других визиток блокнота.

Леонид молча развернулся и неспешно пошел в сторону своего стенда, запрещая себе оглянуться на понравившуюся женщину.

В пять часов его автомобиль стоял на стоянке у главного входа. Привалившись к водительской двери, Леонид расстегнул пуговицу пиджака и приготовился ждать ту, что отказалась ему представиться. За чернотой солнцезащитных очков его глаза въедливо сканировали выхо-

дящие из выставочного здания фигуры. Другого пути познакомиться со строптивницей он не находил. Не идти же к конкурентам, чтобы узнать, с каким агентством был заключен договор.

Весенний ветер трепал волосы, и Леониду приходилось все время приглаживать их, чтобы не терять представительный вид.

«Ей богу, к лету постригусь налысо».

Через некоторое время ветер усилился, и рука уже не покидала макушку.

Где-то далеко раскатисто загромыхало. Запахло дождем.

«Гроза? Этого еще не хватало», – Леонид снял очки и прищурился, выискивая темную полосу на горизонте. Третий день – последний из череды выставочных, поэтому даже выпадет сейчас снег, Леонид и тогда бы не покинул своего поста. Последняя возможность взять нахрапом, а не превратить операцию по поиску женщины в долгоиграющую историю.

Она появилась в окружении таких же высоких и эффектных девушек. Видимо, не только «Модуль» нанимал модели, а это уже облегчало задачу поиска. Стоило лишь обратиться к организаторам выставки.

Хлынувший дождь разметал модели в разные стороны. Кто-то вернулся в здание, кого-то поджидали машины, а та, на которую Леонид положил глаз, бегом направилась к шоссе, где такие же безмашинные бедолаги безуспешно пытались поймать такси.

«Торопится? Не стала заказывать?»

Это был его джек-пот.

Вырулив, Скворцов подъехал к изрядно вымокшей фигуре, прикрывающей голову пластиковым файлом, и открыл пассажирскую дверь.

– Прыгайте!

Девушка наклонилась, отчего длинные волосы качнулись вперед. Узнав, немного помедлила.

– Да прыгайте же! Или таксист больше внушает доверия? Тем более что мы почти знакомы.

Она села так же изящно, какой была сама. Выгнулась в спине и аккуратно опустилась на краешек сиденья, заставив Леонида взглянуть на попу, обтянутую черной юбкой, потом повернулась, внося в салон длиннющие ноги. Прежде чем закрыть дверь, швырнула куда-то в небо ставший ненужным файл.

– Вы ведь довезете меня до подъезда? Раз уж вызвались, – не глядя на Леонида, произнесла девушка. Она откинула солнцезащитный козырек и посмотрелась в зеркало. Тряхнула головой, убирая волосы со лба, потом, выпятив нижнюю губу, подушечкой пальца поправила помаду.

«Ох, ты ж черт! Зачем она это сделала?»

Мысли тут же унеслись в nirвану, где Скворцов покусывал эту пухлую нижнюю губу, лежа на женском теле.

– Ну, так как? Довезете?

– Какой этаж?

– Третий, – без раздумий ответила госпожа Безымянная.

– Донесу.

Ее звали Ольга. Много позже, когда за плечами были и первый поцелуй, и первый секс, она призналась, что вырвала из блокнота страничку с его визиткой и сунула в свою сумочку. Если бы Скворцов не проявил инициативу, она позвонила бы сама. Леонид был счастлив.

Когда Ольга из квартиры, что снимала с подругами, переехала к нему, он верил, что у них все получится, не догадываясь о том, что его любовь не хотела ни детей, ни семьи. Ей просто было с ним удобно. Качественный секс, дорогие шмотки, машина и человек, готовый приехать за ней хоть в адово пекло.

Авария выявила всю гниль, что скрывалась под красивой маской.

– Сын, тебе тетя Саша выписала лекарство? Купил? Если спина болит, продикуй, я сама сбегаю, – беспокойный голос мамы разбудил, когда город погрузился в вечер, сверкающий рекламными огнями.

– Нет, мам. Не надо. Я схожу, – запустив руку в коротко стриженные волосы, Леонид озадаченно почесал голову. Откуда она знает, что его вызывали на осмотр? – Мам, это ты Александру Михайловну попросила?

– Что ты, Лёничка. Ой, батюшки, у меня молоко убежало! – заторопилась мама, хотя рядом с ней чей-то голос произнес: – С вас тридцать четыре шестьдесят.

Сотовый телефон погас, погрузив комнату в темноту.

Почему, выйдя за сигаретами, он отправился на улицу Петипа, Леонид не смог бы объяснить даже самому себе.

Сначала он успокаивал себя тем, что просто решил пройтись вдоль Набережной, размяться и подышать свежим воздухом, и чисто случайно свернул в ту сторону, где улица пересекается с Петипа. Потом поймал себя на мысли, что шагает на раз-два-три, раз-два-три, как когда-то считал, разучивая вальс для выпускного вечера в школе.

Петипа была многолюдна. Молоденькие девушки, женщины, мужчины, люди пожилого возраста двигались вдоль улицы, пропадая то в одних, то в других распахнутых дверях, откуда звучала разная по стилю музыка. Яркие вывески зазывали посетить танцевальные клубы любителей фламенко, классического бального танца и даже танца живота. Взгляд Леонида привлекла горящая огнями реклама пилонного танца, на которой полураздетая красотка обхватила ногами шест и зазывно прогнула спину.

– Боже, ну где же вы ходите! – Леонида тронули за рукав рубашки. – Сколько можно вас ждать! Уже началось!

Изящная, но сильная женская рука перехватила его ладонь и потянула в темный зев клуба, над которым светился призыв: «Милонга в каждом сердце!»

Он хотел было сказать, что рыжеволосая девушка (все, что он успел рассмотреть) ошиблась, но покоренный ее напором, пошел следом. За черными тяжелыми занавесями, закрывающими вход, обнаружился танцпол, едва подсвеченный редкими лампами. Несколько танцовщиц танго, отбрасывая длинные тени, застыли в ожидании, когда музыканты, тонушие в сигаретном дыму, возьмут первые аккорды, а тангерос, испросив разрешения настойчивым взглядом, двинуться к своим партнершам навстречу.

Чарующие звуки аргентинского танго ошеломили, прошлись живой волной по коже, смычковые своим слаженным пением больно тронули нервные окончания, а протяжные ноты, выдаваемые бандонеоном, заставили задержать дыхание. В районе сердца сладостно защемило и эхом отдалось в животе.

Но еще больше Леонида поразило свободное поведение незнакомки: она встала к нему лицом, стукнула носками остроносых туфель по его мокасинам, заставляя слегка поменять положение ног, потом вложила в его ладонь кончики длинных пальцев. Вторую руку приложила где-то в районе его лопаток, тесно прижавшись к обтянутой темной рубашкой груди.

Девушка все так быстро проделала, что Леонид на мгновение ощутил себя куклой, которой вертят, как хотят.

– Я предпочитаю, чтобы рука кавалера делала глубокий обхват! – Незнакомка повертелась, и его рука, послушная желанию девушки, змеёй обвила ее талию. Рыжая подалась вперед настолько близко, что Леонид почувствовал все выпуклости и впадины ее тела.

Пары, подчиняясь ритму аргентинского танго, одновременно двинулись к центру танцпола.

– Боже, вы так и будете стоять столбом или все-таки сделаете пару длинных.

– Что?

– Ну же! Вы забыли? Шаги длинные и короткие! – Рыжая подняла лицо, и он увидел мерцающие, словно звезды на ночном небе, глаза. Леонид даже пожалел, что сейчас девушка поймет, что подцепила у входа не того. Она явно ошиблась – не он должен стоять перед ней и выполнять правильные шаги.

Однако незнакомка опять поразила, несколько не удивившись его физиономии. Она заговорила на английском, кивая для большей убедительности в такт головой, словно Леонид обязан постичь магию ее слов и сделать все правильно: – Long-long, shot-shot-long, shot-shot-long!

Да, она достигла цели, загипнотизировала. Только Лёня не вникал в смысл произносимого, а заморожено смотрел на ее губы, прося небеса, чтобы цепочка слов «длинно-коротко-коротко» никогда не заканчивалась.

Он даже не сразу заметил, что девушка попыталась вывернуться из кольца его рук. «Врешь! Не уйдешь!» – в каком-то пьяном кураже захотелось крикнуть ему на весь зал.

– Пустите же! – зашептала она, оглядываясь. – На нас уже смотрят!

– Что я должен делать? Только коротко и ясно, – скомандовал он, и незнакомка замерла в, ставших еще более тесными, объятиях.

– С левой ноги два длинных шага вперед, тройное раскачивание, один длинный шаг назад, короткий в сторону, потом приставить ногу.

– Это все?

– Все...

Поймав ритм, Леонид сделал два длинных шага вперед. Девушка послушно отступила. Ее грудь едва заметно вдавилась в его, он понял знак, и, так и не завершив движения ногой, качнулся назад, потом вперед, опять назад.

– С правой ноги – подсказала она, и он отступил, потянув послушное девичье тело на себя, задерживая дыхание, чтобы услышать ее волнующий шепот:

– Shot-shot-long!

Короткие «шот-шот» были сродни выстрелам, которые оглушали и заставляли чаще биться сердце, гоня кровь по телу, к которому прижималась восхитительная женщина, окутывающая его ставшим более ярким запахом терпких духов. Такой аромат ему нравился.

Он увидел, как на ее верхней губе появились капельки пота, и ему нестерпимо захотелось слизнуть их, смять ее губы в дерзком поцелуе, зарыться руками в рыжих волосах, растрепать их, выкинув заколки, снять с плеча тонкую ляжку вечернего платья...

Она подняла глаза. В них он уловил такое желание, что его тело опалило жаром, и Леонид, задыхаясь, рванул ворот рубашки.

Он ничего не замечал, кроме зовущего взгляда незнакомки: ни стихшую мелодию танго, ни сменившиеся вокруг декорации. Леонид шел за той, что вела его за руку по слабо освещенным коридорам, мимо закрытых дверей, откуда слышался женский смех и доносился запах сигарет. И то и другое волновало, било по нервам, заставляло дыхание участиться.

Коридор завершился дверью, за которой открылся небольшой внутренний дворик, засаженный выюнами, густо пахнущими в ночи, образующими своим частым переплетением грот, куда едва проникал лунный свет.

По обеим сторонам зеленой пещеры были расставлены приземистые скамьи, как позже выяснилось, из гладко выструганного дерева. На одну из них незнакомка усадила Леонида, а сама несколько не смущаясь, забралась к нему на колени и тут же приникла в первом, самом жадном поцелуе.

Он вручил ее губам власть над своими, покорно принимая их победу. Ложно сдался и впустил ее язык в рот. Но схлестнувшись с ним в короткой битве, потихоньку, почти незаметно, отвоевывал позиции. И вот, наконец, его рот завладел ее губами, поначалу безжалостно сминая, потом лаская, утешая, балуя.

Большие ладони Леонида обхватили ее лицо, не давая увернуться, но, почувствовав, что она достойный противник, не уступающий в желании обладать, отпустили, чтобы растрепать волнистые волосы, собранные на затылке в нарочито небрежный пучок.

Металлические шпильки тонко дзынькнули о мраморные плиты, резанув острым звуком. Волосы легкой волной упали за спину, и пальцы примяли их, когда он притянул девушку к себе. На чувственный поцелуй она ответила стоном.

Нетерпеливые пальцы прошли ласковым движением по ее шее, зацепив на плечах тонкие бретели платья, которые немедленно сползли с гладких плеч, открывая большее поле для поцелуев.

Ее кожа пахла солнцем, он знал, что она густо покрыта веснушками, как это часто случается у рыжих людей, и пытался вслепую собирать их губами, слизывать языком. Но когда наткнулся на дерзко торчащие соски небольшой груди, веснушки были забыты. Губы сомкнулись вокруг соска, втянули его, обласкали, вырвав длинный стон хозяйки.

Попавшая в плен мужских пальцев нежная грудь с влажными следами от поцелуев вызвала еще одну волну острого желания, которая заставила его стать более дерзким. Платье сползло до талии, разрешая прижаться к нагому телу девушки разгоряченным торсом.

Ладонь, медленно скользя по спине, опускалась все ниже, пытаясь нащупать границу дозволенного. И не находила. Ей разрешили всё.

Увлеченный познанием женского тела, Леонид не заметил, как его рубашка оказалась растегнутой. Он содрал ее с себя, забыв о пуговицах на манжетах, и бросил туда же, где лежали ставшие ненужными шпильки.

А пальцы девушки нашли себе иное занятие – возились с пряжкой ремня. Рыжая с растрепанными волосами пристроилась у его ног и ждала, когда молния выпустит из брючных оков то, что желало выпрямиться в полный рост.

Стон наслаждения раздался в тишине ночи, нарушаемой лишь приглушенными звуками танго. Есть ли мужчина, способный выдержать столь изощренные ласки? Леонид не верил, что найдется хоть один, и сдался.

Чтобы не остыть и не подвести ее ожиданий, он заставил девушку встать в полный рост. Платье, соскользнув с бедер вниз, открыло нагое тело, не обремененное нижним бельем. Леонид заворочено провел ладонями по ее плечам, спустился к тонкой талии, погладил упругие округлости ягодиц. Потом легко поднял девушку и уложил на скамью. Рыжая выгнулась, ожидая ласк.

Он не подвел. Движения языка вызвали бурный отклик: стон, шепот, плач и крик, который он безуспешно пытался заглушить ладонью, прикасаясь к ее припухшим от поцелуев губам.

Она дрожала в его объятиях, остро переживая оргазм, постепенно обмякая, расслабленно дыша.

Когда сердцебиение у обоих стало вполне обычным, а дыхание ровным, они помогли друг другу одеться и торопливо вернулись в длинный коридор.

– Я в туалет, – шепнула незнакомка, и Леонид остался стоять, подпирая плечом стену. В пылу страсти он забыл спросить ее имя и теперь гадал, как зовут рыжую девушку.

Музыка в танцевальной зале смолкла. В проем двери Леонид видел, как музыканты покидали помещение, унося с собой инструменты.

Обеспокоенный долгим отсутствием нечаянной любовницы, мужчина постучался, но, прислушавшись, различил лишь звук льющейся воды и не решился войти.

В зале погас свет.

– С тобой все хорошо? – крикнул Леонид, приоткрывая дверь. – Если ты не откликнешься, я зайду.

Ни в ярко освещенной комнате, ни в одной из двух кабинок девушки не оказалось. Закрыв кран, Леонид подошел к окну, которое выходило в узкий проулок между тесно стоящими домами.

Наступив ногой на батарею, он поднялся на высокий подоконник и толкнул створки. Окно легко распахнулось. За ним стояло несколько закрытых мусорных баков, по которым он выбрался наружу.

Улица по-прежнему была многолюдна. Танцевальные клубы выпускали уставших, но довольных посетителей, которых поджидали вездесущие такси. Многие шли в сторону ночной Набережной, пытаясь остудить разгоряченные танцами тела.

Целующиеся в уютных сквериках парочки попадались то тут, то там, но Леонид не замечал их, выискивая девушку с рыжими волосами. Чем дальше он удалялся от улицы Петипа, тем скуднее становилось освещение, и реже встречались пешеходы.

Прохладный влажный воздух помог остыть, и Леонид вернулся домой совсем не тем, кем покидал пустую квартиру. Приняв горячий душ, он повалился на свою импровизированную кровать и впервые заснул, ни разу не вспомнив о больной спине. В его душе теплилась надежда, что завтра он обязательно найдет незнакомку.

Лишь только улица Петипа начала оживать, Леонид появился у входа в клуб. По небольшому объявлению на стекле он узнал, что милонга – танцевальный вечер, на котором танцуют танго, начинался каждый день в восемь. Время тянулось, замирая там, где вчера вовсю неслось. Леонид никак не мог дождаться, когда к зданию начнут стекаться люди.

Как ни вглядывался он в лица любителей танго, но вчерашней любовницы среди них не оказалось.

Что он знал о ней, кроме того, что волосы у нее рыжие, поцелуй сладок, а запах духов терпок? Ни-че-го.

Как он жалел, что не спросил ее имя!

Леонид, стоявший спиной к входу в клуб пилонного танца, боялся сделать шаг в сторону, чтобы не пропустить появление своей страстной партнерши по танго.

Прошел час, два, звуки музыки стихли, а рыжеволосая так и не появилась.

Из клуба неспешно вышли танцоры, с интересом поглядывая на него, стоящего столбом на прежнем месте. Некоторые, словно зная, почему он здесь, улыбались.

Музыканты погрузили инструменты в подержанную иномарку и укатили, оставляя с ним лишь резкий запах сигарет и горечь неудачи.

Леонид поплелся домой, в душе надеясь, что завтра беглянка обязательно появится.

Но ни завтра, ни на следующий день она не пришла.

Не веря, что не сможет ее найти, Леонид ходил к клубу каждый вечер на протяжении недели.

Его стали окликать, задавать вопросы, пытаться помочь. Как выяснилось, никто из любителей милонги ранее не видел приметную девушку – она появилась в тот вечер единственный раз.

Леонид, встретив открытое участие, больше не чувствовал себя чужаком в компании людей, танцующих танго, охотно делящихся мастерством, и вскоре, освоив движения, получал удовольствие от чувственного танца с более опытными партнершами, надеясь, что когда-нибудь его рыжая любовница все-таки заглянет на призывные звуки аккордеона.

– Тося, ну что, Лёнчик с депрессией распрощался?

– Спасибо тебе, Саша. Не знаю, что ты там ему прописала, но у него жизнь налаживается. Вернулся в бизнес, затеял в квартире ремонт, купил новую машину, ходит на эти, как их – милонги.

– И все это с августа? Ай да Виолетта!

– Кто такая Виолетта? – насторожилась подруга.

– Лекарство от хандры, – засмеялась Александра.

– И все же, Сашка, не темни! Что ты сделала с моим сыном?

– Не пугайся, мать. Попросила Виолетту станцевать с ним аргентинское танго.

– А, танцовщица, что ли?

– Ну, как сказать. Она та, которая вокруг пилона вертится, но ради твоего сына по видео разучила несколько движений танго. Она способная. Как только кто из моих бывших пациентов захандрит, живо мозги на место вставит.

– А не рыжая она, случаем? У моего Лёни на компе куда ни глянь, всюду фотографии рыжих девушек.

– Виолетта-то? Нет, блондинка, волосы короткие. Но у нее париков куча, она их меняет во время представления в клубе. То рыжая ковбойша, то гейша черноволосая... Хочешь, сходим на ее танцы вокруг шеста посмотрим? Это на улице Петипа, как раз напротив здания, где твой Лёнька вечерами пропадает.

Глава 2. Первый поцелуй Рыбы

Глафира придиричиво разглядывала свое лицо в зеркале, ища признаки взросления на год. – Двадцать семь – словно девочка совсем, – пропела она, ставя тюбик новой помады рядом с духами. Проверяя ее на липкость, которую так не любила, пошлепала, словно рыба, губами. – Хорошая помада. И цвет сочный.

Глядя на губы невольно вспомнила себя в выпускном классе.

Десять лет назад.

– Гла-ш-ш-ш-ш-а...

От обилия шипящих звуков по спине прошелся холодок, и заныло где-то внизу живота. Глафира закрыла глаза и глубоко вдохнула.

– Гла-ш-ш-ш-а, ну пожалуйста...

Что-то твердое уперлось в шею и медленно поползло вниз по позвоночнику. Там, где появилась преграда в виде застешки лифчика, движение на мгновение прекратилось.

Глафира непроизвольно передернула плечами и поморщилась от досады. Не стоило так явно реагировать на прикосновение. Наверняка и уши загорелись – противная реакция на стыд еще с детства.

Приглушенный смех сидящего сзади заставил поморщиться и наклониться вперед, чтобы не смог достать. Но как его заткнуть?

– Гла-ш-ш-а...

– Мельников! Прекрати! – Удар по столу линейкой прозвучал как выстрел и заставил подскочить от неожиданности. – Что ты там шипишь как удав? – Марь Петровна смотрела на Глеба поверх очков, которые удивительным образом держались на кончике носа. – Контрольную каждый пишет сам! И перестань тыкать в Глазунову ручкой! Она уже на парте лежит, а ты все тычешь!

Уши Глафиры охотно поделились краской с лицом, которое стало ярко-пунцовым. Послышались смешки.

«Знают?!»

– Так! Успокоились! – Последовал еще один удар линейкой. Неприятный хлесткий звук лезвием резанул по нервам. – Осталось всего десять минут! Пишем!

Как только Марь Петровна уткнулась в журнал, Глафира почувствовала чужое дыхание у своего уха. Настороженно повернула голову и встретилась взглядом с Мельниковым.

– Гла-ш-ш-а, – беззвучно произнесли его губы и скривились в улыбке.

– Мария Петровна, я закончила! – Глафира поднялась так резко, что задела плечом перегнувшегося через парту Глеба. – Можно сдать?

Не дожидаясь ответа, оставила тетрадный листок на учительском столе и вылетела вон из класса.

– Глазунова, ты куда? – удивленный возглас Марь Петровны не остановил. Сейчас Глафиру не удержал бы и хор учительских голосов. Да и окрик директора, способный прекратить самую жесткую драку, навряд ли помог бы.

Глафира набирала воду ковшиком ладоней, пытаясь охладить лицо. Но ледяная вода не помогала. Стоило вспомнить взгляд Мельникова и его растянутые в улыбке губы, как пульс зашкаливал, а к щекам приливалась новая волна жара.

Никто в классе не догадывался, что Мельниковское «ну пожалуйста» вовсе не относилось к просьбе дать списать. Глафире самой в пору списывать у Глеба.

Мельников просил прощения за вчерашний поцелуй.

От воспоминаний о том, как Глеб прижал ее к стене, придавив сильным телом, а потом поцеловал, Глафира закашлялась.

Под страхом смерти она никому не призналась бы, до чего ее ошеломил тот полный желания поцелуй.

Ее первый самый настоящий поцелуй. Не считая детсадовского с Гришкой.

Но, увы, он предназначался другой. Глафиру в темноте подъезда, где бомжи опять выкрутили лампочку, просто перепутали с Кислициной из параллельного класса. В школе все знали, что красавица Сонька и капитан баскетбольной команды Мельников – пара, а тут она, Глафф-фира...

Боже, как она ненавидела свое старомодное имя! Да, впрочем, и всю себя.

Из-за большого рта и толстых, вечно красных губ, с первого класса к ней приклеилась кличка «Рыба». До поцелуя с Мельниковым Глафира мало задумывалась о том, насколько она как девушка привлекательна. Но его внезапное «Черт! Рыба, это ты что ли? Черт! Черт!», заставило долго стоять у зеркала и придирчиво рассматривать свое отражение. Серые, почти бесцветные глаза, опущенные светлыми ресницами, курносый нос и эти мерзкие веснушки, что рассыпались не только по щекам, но и «украсили» собой плечи. Единственная гордость – длинные густые волосы, которые Глафира собирала в высокий хвост.

«Но у Кислициной волосы не хуже, да и оттенок пшеничного намного ярче, – взгляд придирчиво скользил в поисках хоть чего-то, что могло бы заставить Глеба посмотреть на Глашу такими же глазами, какими он смотрел на Софию. – Что уж говорить? Рыба есть Рыба».

Дрожащие пальцы дотронулись до припухших от долгого поцелуя губ.

«Словно своровала».

Слезы, покотившиеся без спроса, сделали глаза бирюзовыми. На фоне красных век радужка всегда становилась невероятно яркой.

Ночью Глафира ворочалась, сбивая простыни в жгут.

«А вдруг Мельников всем расскажет? Или Кислицына, которая задержалась на улице с соседкой, отчего и произошла путаница, узнает о поцелуе? Может не идти в школу? Маме сказать, что заболела? Но на первом уроке контрольная по алгебре...»

В класс Глафира пришла раньше всех. Достала тетрадь, ручку и, боясь поднять глаза, уткнулась в учебник, создавая стену между собой и всем остальным миром.

Вот тогда-то и раздалось первое «Глаша!»

От неожиданности обернулась и прочла по глебовским губам «прости».

Растерянно поморгала и опять спряталась за книгу.

Пальцы занемели от ледяной воды.

«Из-за него даже не проверила контрольную».

Выключила кран, поднялась в полный рост, чтобы посмотреть на себя в зеркало, и застыла от удивления. За спиной стоял Мельников.

– Чего тебе? – резко развернулась и оказалась так близко, что почувствовала запах его дезодоранта. «Боже, я едва достаю ему до плеча».

Аккуратная белая пуговка на вороте голубой рубашки заворачивала взгляд.

Глеб сглотнул, но ничего не произнес.

Глафира подняла глаза.

«Прости», – опять беззвучно прошептал Мельников и наклонился. Жадный поцелуй и удар спиной о кафельную стену вышибли дыхание. Ошеломленная Глафира попыталась оттолкнуть Глеба, но ее руки были перехвачены и впечатаны над головой в ту же стену. Крепкое бедро юноши вдавилось в мягкое тело и заставило развести ноги.

Как можно было не услышать звонок?

Насколько сильно нужно было потерять голову, чтобы ответить на поцелуй?

Глафира плыла в космосе, плаваясь от жара пролетающих мимо звезд.

– Опаньки!

Возглас был сродни взрыву. Глеба оторвало от распластанной по стене Глафиры и вынесло из туалетной комнаты. Глаша едва держалась на трясущихся ногах и ловила ртом воздух.

Перед ней стояли две ближайшие Сонькины подруги, а за их спинами хихикающие малолетки зажимали ладошками рты.

«Я не рыба. Я клоун. Цирк уехал, а дураков оставили...»

– Это кто у нас тут с чужим парнем замутил? Рыбонька, ты ли это?

– Боже! До чего мир докатился! Ботаны в туалете отдаются!

Глафира не помнила, как покинула школу и оказалась дома. Уткнувшись лицом в подушку, пролежала в кровати до самого вечера.

– Почему с собакой не погуляла? – высокий голос мамы заставил зажать уши руками.

Приоткрытая дверь разрежала темноту яркой полосой света. – Муха у порога сидит.

Зеркало в коридоре показало распухший нос и зареванные глаза.

Йоркширский терьер, цокая коготками по паркету, плясал в нетерпении.

– И хлеба купи! – донеслось из кухни.

Глафира шмыгнула носом и перешагнула порог.

В подъезде пахло дождем.

– Черт, зонтик забыла...

– И сумку в школе. – На лестнице, подперев стену плечом, стоял Глеб и, прищурившись, рассматривал Глафиру. На перилах лежал ее портфель с учебниками. Она так и не вернулась в класс.

Под изучающим взглядом девушке стало не по себе. Вспомнилось, что на ней папина старая куртка, а на ногах разношенные кроссовки.

«Да что за фигня? Какое мне дело до Глеба? Пусть думает, что хочет».

– Принес? – Глафира потянулась за сумкой. – А теперь уходи.

Глеб перехватил руку.

– Подожди. Не сердись. – Капли дождя алмазами сверкали в его темных волосах. Еще вчера сосед, матеря на все лады алкашей, вкрутил новую лампочку. – Мне нужно объяснить. Вернее, я хотел бы... Сам не знаю, почему меня так тянет к тебе...

Подыскивая слова, он провел ладонью по лбу, взъерошил волосы.

– Черт. Наверное, все дело в твоих губах...

Глафира потянула руку. Холодные пальцы одноклассника ослабили хват, но не выпустили.

– Это какое-то наваждение. Попробовав однажды, я не могу забыть вкус...

– Отпусти! – Глафира рывком высвободилась из плена. – Ты ошибся квартирой. Тебе на пятый этаж. Там живет Кислицина, – и, подхватив портфель, хлопнула дверью.

Сев в коридоре на пол, потрепала по холке обманутую в ожиданиях собачку.

– Прости, Муха. Прогулка откладывается. Пусть сначала он уйдет.

Собака, слушая хозяйку, повернула голову набок.

– Кто «он»? Он чужой парень. А мы, Муха, не привыкли брать чужое. Правда?

Рыжий песик тявкнул и активно завил хвостом.

– Глядя, ты чего копаешься? – мама выглянула из кухни, где что-то жарилось, громко шипя и брызгаясь. – Скоро ужинать, а хлеба нет.

– Зонт забыла.

Гладей ее еще в младенчестве назвал папа. «Какая она Глаша? Она Глядя. Смотри, как в струнку тянет ручки и ножки, когда ее гладишь по животику».

Муха, одетая в яркий комбинезон, приседала почти под каждым кустом, пользуясь тем, что мысли хозяйки далеко.

По зонту стучал дождь, заглушая все остальные звуки. Красный купол отгораживал Глафиру от мира, где шины шуршали по шоссе, а неуклюжие пешеходы бежали по лужам, стремясь как можно скорее оказаться в тепле.

«Что со мной? Почему его голос заставляет каждую клеточку моего тела вибрировать?»

Намокшие листья тяжелыми кляксами ложились на тротуар.

«Почему я теряю способность здраво мыслить, стоит ему приблизиться?»

Глафира закрыла глаза. Вспомнилось, как с волос Глеба скатывались блестящие капли и оставляли влажные дорожки на смуглом лице.

Какая-то щемящая тоска сжала сердце.

«Он чужой. И только непонятная прихоть сделала его на малюсенькое мгновение моим».

Муха потянула поводок, и Глафира послушно двинулась следом, не замечая, что идет по поникшей траве, прибитой холодным осенним дождем.

– Ммм, мое желание... Чтобы ты поцеловал Рыбу!

Задумавшаяся Глаша не заметила, как Муха привела ее к беседке детского сада. На перилах сидели ребята из параллельного класса и с нескрываемым интересом рассматривали виновницу недавнего скандала. Подруги Сони Кислицыной при усердной помощи третьеклашек по всей школе разнесли слух о том, как Рыба соблазняла в туалете Мельникова и как бесстыдно висла у него на шее. То, что туалет был женским, и затащить туда баскетболиста под метр девяносто и справиться с ним против его воли пусть не худенькой, но и не такой сильной девушке, как Глафира Глазунова, просто невозможно, мало кого интересовало. Новость была настолько горячей, что разделила возбужденную аудиторию на два лагеря. Первый, в основном состоящий из подруг и поклонников «лучшей девчонки в школе», сочувствовал Кислицыной и пытался ее успокоить придумыванием казней египетских. Второй – частично состоящий из тех же подруг, завидующих более удачливой и красивой Соньке, а также из тех, кто, наконец, дождался, что признанная красавица и гордячка получила пинок (и от кого!) по великолепной заднице, злорадствовал и замер в предвкушении развязки.

– Давай, Витек, – капризно повторил тот же голос. – Мельникову она не отказала, почему бы и тебе не попытать счастья.

– Сонь, давай кого другого поцелую. Хоть первого встречного.

– Угу. Вон моя старенькая соседка идет. У нее вставная челюсть. Баба Ира! Здравствуйте!

– Ладно, – парень начал медленно подниматься, что вывело жертву спора из ступора. – Глаша, стой! Ты куда? Послушай, чего сказать хочу...

Он нагнал ее уподъезда. Поймав за капюшон, больно дернул, прихватив клочок волос, и почти уронил на себя.

– Пусти! – задыхаясь, выдавила из себя Глаша, запутавшись в большой куртке и поводке, на конце которого билась в испуге Муха.

Жесткий рот накрыл Глашины губы, окончательно лишив воздуха.

– Давай! Давай! – хохоча, подбадривали догнавшие Витьку друзья. – Раз... два... три... четыре...

Но внезапно все закончилось. Захват ослаб, и Глафира, лишившись опоры, сползла на мокрый бетон. Трясущаяся Муха тут же прыгнула ей на руки.

Над Витей стоял Глеб и, держа его за ворот, бил по лицу. Кулаком. В кровь.

– Глебушка, пусти! – истерично закричала и повисла на нем Соня.

Витек кулем упал рядом с Глашей. Он тихо скулил, когда подбежавшие друзья подняли его и поволокли прочь.

– Это всего лишь спор. Ничего серьезного. Витек проиграл желание. Она просто подвернулась.

– Иди домой, Соня, – устало произнес Глеб и расцепил ее пальцы, что сомкнулись замком за шеей. – Потом поговорим. Завтра.

– Но... – она не верила, что ее гонят.

– Иди.

Во взгляде Мельникова Соня прочла нечто такое, что не позволило перечить. Медленно отступила на два шага, надеясь, что позовет, скажет с извечной полуулыбкой парня, знающего себе цену: «Да пошутил я, глупая. Идем уже отсюда», и раскинет руки, чтобы она спрятала лицо в его пахнущей любимым дезодорантом одежде, но нет. Не позвал. Даже не посмотрел больше. Протянул руку разлучнице, помог подняться и повел в подъезд.

«Но я тоже там живу», – успокоила себя Соня, рывком раскрывая скрипучую дверь и замирая с открытым ртом. Глеб на руках нес ненавистную Рыбу.

Его же ладонь (Соня узнала по часам на запястье, которые они покупали вместе) оказалась на мгновение в темном проеме двери Глашкиной квартиры и, взявшись за хрустальный шарик ручки, захлопнула перед самым Софьиным носом.

– Вы что творите? – мама, услышав визг собаки и грохот опрокинувшейся вешалки, выскочила из кухни со скалкой в руках, но, включив свет и, узнав в барахтающихся в ворохе одежды дочь и ее одноклассника, в сердцах отбросила ненужное оружие, добавив шума к общей неразберихе.

– Простите, это я в темноте налетел. – Глеб поднялся сам и помог Глаше. Потом поставил на место вешалку, повесив на нее кое-как одежду. – Здравствуйте, Анастасия Кирилловна.

Активного члена родительского комитета знал каждый ученик выпускного класса.

– А почему вы такие грязные? – мама недоверчиво подняла край расстегнувшейся Глашиной куртки.

– Я упала. Прямо в лужу, а Глеб помог.

– Не убила, и слава Богу, – Анастасия Кирилловна подобрала скалку и уже по пути на кухню выкрикнула. – Глядя, ужин готов. Мой руки и марш за стол. Глеб, тебя это тоже касается.

– Я пойду, Глядя, – с улыбкой повторил за мамой домашнее прозвище Мельников и, наклонившись к однокласснице, большим пальцем стер грязный подтек с ее щеки. – И ничего не бойся. Я со всеми разберусь.

Дверь мягко хлопнула и прервала речь мамы, которая громко рассказывала о новом рецепте кляра для рыбы, которому ее научила аспирантка. «Представляете, обыкновенная газировка, а корочка получается такой хрустящей...»

– А ужин? – замызганный, пахнувший рыбой фартук на полноватой фигуре Анастасии Кирилловны сменился на праздничный, с петухами на оборках.

– Дома поужинает. Его там ждут, – рассматривая свое лицо в зеркале и отмечая кровоподтек на губе, зло ответила Глаша, но спохватившись, более мягко добавила: – А я с удовольствием поем. Газировка, говоришь?

Вместо соседа, с которым делила парту последние два года, Глаша обнаружила широко улыбающегося Глеба. Сафронов, беспомощно поблескивая линзами очков, недовольно сопел за его спиной.

– Чего замерла? Садись, – Мельников огромной ладонью по-хозяйски похлопал по сиденью. Глаша беспомощно оглянулась, но заметив любопытствующие взгляды, ерепениться не стала. Вытащив из портфеля линейку, фломастером прочертила длинную линию, разделившую парту на две равные части.

– Это мое, – она растопыренной ладонью обвела ареол своих владений. – Нарушишь хоть на сантиметр, пересяду на заднюю парту к Фокину.

Вадим, раздолбай каких на свете мало, обрадовавшись перспективе списывать у отличницы и хоть как-то дотянуть до конца школы, радостно закивал и, вытащив из заднего кармана брюк Сафронова носовой платок, показательно протер от пыли место рядом с собой.

– Это единственное условие? – уточнил Глеб, убирая с территории принципиальной соседки свой учебник, который каким-то образом туда эмигрировал. – Значит, от сих до сих не трогаю, – его длинные пальцы стукнули по указанным границам, – а ты не дергаешься и не выдвигаешь новых требований?

– Да.

– Уверенна?

Глаша отвернулась, чтобы не смотреть в глебовские наглые глаза.

– Так! Открыли учебники на параграфе двадцать два, – на пороге появился учитель. Класс дружно встал и шумно сел. – Сегодня начнем с новой темы, переключка и опрос потом.

Глаша не слышала ни слова из объяснений физика, поскольку горячее даже через брюки бедро Глеба тесно прижималось к ее ноге. Открыв было рот, тут же его захлопнула – указательный палец одноклассника постучал по последней странице его тетради, где печатными буквами было выведено: «Мы договорились: я не нарушаю указанных тобой границ, ты не дергаешься». Глаза же четко указали на прочерченную линию, рядом с которой не было ни одного нарушителя.

«Все правильно, – выдохнула Глафира и отодвинулась на самый край парты. – Плохая из меня переговорщица. Нужно было мелом нарисовать круг, как в «Вие», чтобы обезопасить себя от этого черта».

Но длинные ноги черта достали ее и на краю.

В своем шкафчике Глаша нашла записку «Сука. Ты еще заплатишься». На Кислицину не подумала. София в этот день в школу не пришла.

Поправив помаду пальцем и улыбнувшись отражению, Глафира, еще год назад носившая фамилию Мельникова, подхватила сумку, положила туда заранее приготовленные туфли на шпильке и поспешила к лифту.

Впереди ждал долгий день: сначала заводская лаборатория, где Глаша работала без малого восемь месяцев, потом небольшая вечеринка по случаю ее дня рождения в соседнем кафе, которую оплачивал из личного фонда директор завода Скворцов. И вовсе не из-за того, что Глафира была какой-то особенной – она вообще сомневалась, что «недосягаемый, как звезда» (так босса охарактеризовала заведующая лабораторией) знает о ее существовании. Леонид Сергеевич, повинуясь современным тенденциям, сплавивал заводскую команду в единый организм, устраивая тимбилдинги по любому поводу. Правда, сам в затеях никогда не участвовал – заходил на минуту, вручал виновнику торжества конверт с деньгами и благополучно растворялся в ночи.

Глава 3. Три позора из жизни начинающего кобеля. Позор номер один

Леонид, потягивая вино, привычно смотрел слайд-шоу, где одна рыжая сменяла другую. Зеленоглазые коротковолосые девушки, более похожие на мальчишек, следовали за романтичными хохотушками, чьи кудри и оборки платьев трепал ветер, а те уступали место загадочным синеглазкам, подтянутым и спортивным, с собранными в высокий конский хвост волосами. Конопатые и нет, худенькие и в теле, с белозубой улыбкой и сексуальной щербинкой – ни одна из них не была похожа на ту, что так волнующе месяц назад шептала «шот-шот-лонг». И пусть Скворцов так и не разглядел в дымной полутьме клуба лицо нечаянной любовницы, был уверен, доведись ему встретиться с ней еще раз, сразу узнает. По запаху, по блеску волос, по гладкости кожи.

Леонид, вздохнув, щелкнул мышью, прекращая нескончаемое шоу, поправил галстук и надавил кнопку вызова офис-менеджера.

– Нелля, цветы принесли?

– Да, голландские розы, – из динамика послышался хруст оберточной бумаги. – Имениницу зовут Глафира Глазунова.

– Такие имена еще существуют?

Нелля сдержанно рассмеялась и отключилась.

Лифт, матово поблескивая металлом, неслышно тронулся и поехал вниз, а Леонид, не в силах перестать думать, вспоминал мягкость губ и аромат женщины. Ее поцелуи – сначала осторожные, изучающие, потом глубокие и дерзкие.

Леонид любил целоваться. И умел.

«Еще бы, такая школа».

Он был старше Тани на год. Скворцов впервые увидел ее на линейке в школе. Кружевной воротник, плиссированная короткая юбка и белые гольфы. Мышиного цвета волосы заплетены в две тощие косички. И огромные голубые глаза. Именно эти глаза и ямочки на щеках привлекли его внимание.

– Кто такая? – толкнул локтем всезнающего Ваньку, что увлеченно крутил кубик Рубика. Тот не сразу понял, поискал глазами, скривился.

– А, новенькая из шестого Б. Танька.

– До конца учебного года меньше месяца, чего это она к нам перевелась?

– Отец военный.

– Так она живет в генеральском доме?

– Угу. Там.

Из окон его комнаты были видны боковые балконы двух-подъездного дома, стоящего в их квартале особняком. Строили его быстро. Леонид помнил, как солдатики в выцветших от солнца панاماх курили, прячась за штабелями тротуарной плитки, которая через месяц сделала унылый асфальт старых тротуаров еще более унылым. В красивом дворике, где те же самые стройбатовцы разбили клумбы, стала собираться вся местная «знать» – так бабушек и мамаш, увешанных вопящими детьми, называла Ленькина мама.

«А как еще? Знать и есть. Что ни спроси, все знают, все видели».

Гвалт не стихал ни днем, ни ночью (дворик понравился и местной шпане), что очень быстро надоело отдыхающим после службы родине командирам, и в одно прекрасное утро коляски, толкаемые родительницами, уткнулись в высокую металлическую ограду, ставшую бастионом, разделяющим два мира.

«Они бы еще ров выкопали!»

Вечером разочарование постигло и шпану. Пики, венчающие забор, ясно указывали, что военные не шутят, а потому ночное пение под гитару переместилось туда, откуда выбралось совсем недавно – в беседки районного детского сада.

Лишенная благ знать была оскорблена до глубины души, а потому обдавала ненавистью и презрением всех «генеральш», которые волей или не волей, но ступали по «нашим» раздолбаным тротуарам и ходили в те же магазины. Теперь в этом доме поселилась Танька, которая априори попадала в списки врагов знатных семейств Жопинска. Это уже определение самого Леньки.

«А как еще назвать то место, откуда до центра города добираться тремя транспортами?»

Действительно, он чувствовал себя ущербным, когда у местного Белого дома выходил из маршрутки и видел людей в чистой обуви, тогда как на его «штиблетах» висело по пуду грязи, словно только что поработал трактором на колхозном поле.

Он шел за Татьяной со школы, простояв целый урок за углом, боясь пропустить ее появление. Ленька, чувствующий себя охотником, выслеживающим добычу, молился суровому Одиному, чтобы кто-нибудь из подрастающей шпаны заметил новенькую, и прицепился к ней. Уж он тогда...

Одноглазый бог видимо спал, но на помощь неожиданно пришли валькирии.

– Ходят тут всякие, – зашипела одна из них и вылила грязную после мытья полов воду под ноги школьницы, по незнанию срезавшей путь и попавшей во владения тех самых бабушек, которые вынуждены вдыхать запах расположившейся неподалеку пивнушки вместо аромата дивных цветов генеральского дома.

Дворянское гнездо, а в миру – заводская семейная общага, после кончины Союза и гиганта «Ротор» оказалась ничейной и теперь тихо разваливалась под стенания старожилов, помнящих улыбку Сталина.

– Ой, извините! – подпрыгнула девочка, спасая лаковые туфли, но безобразные брызги успели уничтожить белизну гольфов.

– Не извиняйся, она специально, – Леня схватил «добычу» за руку и быстро повел прочь. Таня хоть и вздрогнула, но вырваться не стала, поскольку вторая валькирия приготовила свое смертельное оружие против «принцессы из генеральского дома» – выдавший виды половик взметнулся в цепких пальцах и выдал первый пыльный залп в спины убегающих подростков.

– Зачем они так? – выдохнула Татьяна, когда под ногами началась тротуарная плитка – предвестница спасительного рубежа.

– Ведьмы. Они всех живущих в вашем доме ненавидят. Поэтому будь осторожней. Из школы и в школу лучше ходить со мной, я живу вон там.

Таня долго, словно запоминала ориентиры, смотрела на открытое в маминой комнате окно, за которым раздувались от ветра простенькие занавески. Ленька тут же возненавидел голубые цветочки, беспечно раскинувшиеся по тканому полю – такими они показались ему безвкусными и пошлыми.

– Утром меня отвозит водитель папы, а потом...

– Потом тебя провожать буду я. Встретимся после уроков, – кивнув растерявшейся Тане, он развернулся и быстро зашагал в сторону своего дома. Скворцов не хотел слышать возражений, а потому не дал и шанса произнести их.

– Как тебя зовут? – запоздало опомнилась девочка.

– Леонид, – бросил, едва повернув голову.

– А меня Татьяна.

– Я знаю.

– Мам, а давай купим в твою спальню новые занавески. Однотонные. Зеленые, например, как у тети Саши, – принимая сумки из рук матери, Леня старался говорить как можно более безразличным тоном.

– А эти тебя чем не устраивают? Веселенькие же...

– А чего в спальне веселиться? Наверное, поэтому ты до полуночи не спишь... – пальцем проткнув фольгу на бутылке с молоком, сделал глоток. – Если хочешь, я с тобой в воскресенье в универмаг схожу. Выберем.

– Боже мой! – всплеснула руками мама. – Хозяин вырос!

Прошли экзамены, начались каникулы, и Леня, утратив звание телохранителя, уже на правах друга ждал Таню на скамейке у ухоженной клумбы внутри территории, обнесенной оградой.

– Танечка, познакомь меня со своим мальчиком, – женщина, пахнущая духами, с гладкой прической, венчающейся аккуратной фигой, вышла из подъезда вслед за дочерью. Атласный блеск красного маникюра, белые ухоженные руки, сумочка, чьи туго натянутые лакированные бокала бликовали на солнце, ввели Леню в ступор. Он никогда не видел таких красивых женщин.

– Познакомься Леня, мою маму зовут Серафима Владимировна.

У Лени не повернулся бы язык назвать ее тетей Симой, только так – Серафима Владимировна. Вот маму, сколько он себя помнил, ребятня называла «тетя Тосей», и выглядела она так же – улыбчивое лицо, лучистый взгляд светлых глаз, нетронутые помадой губы и кудряшки коротко постриженных волос. Теплая, родная. Нет, не сказать, что от Танькиной мамы веяло холодом, скорее она напоминала античную скульптуру, которая вдруг решила надеть современный наряд и снизошла до милой болтовни с соседским мальчишкой.

Потрепав Леню по вихрастой макушке, античная богиня направилась к поджидающей ее за воротами машине.

– Куда пойдешь? В кино? – вернула его к жизни Таня. – Вот смотри, как и договаривались.

Она показала на кофточке значок, совершенно такой же, какой красовался на футболке Лени. Они еще неделю назад купили с дюжину значков, чтобы нацеплять одинаковые. Так Леня и Таня чувствовали себя парой.

Каникулы летели. Кино, парки с дешевыми аттракционами, походы в открытый бассейн, делали подростков ближе. Уставшие, но довольные они приходили к Лене домой и пили ароматный кофе, который он сам молот и варил в турке. Может, где-то в маме и видны были крестьянские корни, но в хорошем кофе она знала толк. Ее приучила к нему подруга, которая работала в неотложке. После суточного дежурства Александра Михайловна, а для Ленчика просто тетя Саша, не могла заснуть без доброй порции кофеина.

– А ты говоришь, на ночь пить вредно, – смеялась она, по-хозяйски крутя ручку кофемолки на их маленькой кухне.

Мама и ногти стригла так же коротко, как ее подруга, хотя всю жизнь проработала бухгалтером, и «химию» делала у того же парикмахера.

– Вы случайно не сестры? – спрашивал иногда Леонид, замечая, насколько подруги похожи в своих пристрастиях.

– Можно сказать, сестры, – соглашалась тетя Саша, а Леня в который раз ловил быстрый и какой-то извиняющийся взгляд мамы. Однажды он поинтересовался, как они познакомились, и мама как-то заученно, словно не раз проговаривала про себя, выдала историю о вызове врача на дом и завязавшейся после этого дружбе.

– Ты никогда не целовалась? – спросил вдруг Леня, поймав тепло дыхания Тани на своей щеке. Бой подушками возник спонтанно: он кинул, она ответила, он взял в плен, она вырывалась.

– Не-а! – в глазах раскрасневшейся подруги плясали чертенята. Лямка ее сарафана сползла и оголила острую лопатку. – Давай попробуем? – и чмокнула в нос.

– Нет, не так. Чмок-чмок я еще в детском саду проходил.

– По-настоящему, по-взрослому? Как в кино?

Леня кивнул, ища в глазах Тани готовность рассмеяться. И оттолкнуть, назвав дураком. Он слышал, как под платьем, под которым и лифчика-то нет, поскольку нацепить его не на что, барабанит ее сердце.

Они так и замерли в объятиях друг друга, не замечая, что после схватки их одежда нелепо перекрутилась.

Таня, высвободив руки из плена, обхватила влажными ладонями лицо Леонида и поцеловала сама, первая. Неумело, с горечью кофе на языке.

– Смотри, как нужно. – Откуда он знал, как нужно? Знал и все тут. Положил ее руки себе на плечи, прижал податливое тело так крепко, будто вклинься между ними хоть малейшая полоска света и волшебное ощущение, что происходит нечто невероятно важное, рассеется, оставив лишь испуг и стыд.

После того, как Леня оторвался от губ, она посмотрела удивленно, слегка нахмутив брови.

Он засмеялся и поцеловал ее курносый нос, ямочки на щеках.

– Это что здесь происходит? – в дверях со стаканом в руках стояла соседка – предводительница знати. – Божечки! Я тут сахара попросить, а они вона чем занимаются! Бесстыжие!

Ее голос эхом скакал по гулкой шахте подъезда, рвал в клочья мозг, подкашивал ноги.

– Пусти! – крикнула Таня, безуспешно пытаясь освободиться из крепкого захвата застывшего Леонида. – Пусти же!

Он расцепил руки, зачем-то поднял их вверх, то ли показывая, что сдается, совершив дерзкое преступление, то ли пытаясь успокоить покрасневшую как помидор подругу, говоря тем «Смотри, тебя никто не держит».

Таня бросилась вниз по лестнице, а соседка, забыв о сахаре, все кричала и кричала про генеральских принцесс, которые мало чем отличаются от местных шалав.

«Еще сиськи не выросли, а все туда же, целоваться!»

Окно Тани, выходящее на боковую сторону дома, больше не открывалось. Тяжелая портьера наглухо загородила ее от всего мира. Леня стоял под балконом до глубокой ночи, пока сторож не выставил его за ограду.

У подъезда сидящие на лавочке женщины резко замолчали и проводили Леонида тяжелым взглядом. Он его чувствовал. Словно совсем недавно на спине были крылья, а теперь торчали ножи, которые не позволяли ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Я-то думаю, чего она все время к нему бежит? Каждый божий день там. Смотрю, дверь приоткрыта, дай, думаю, сделаю вид, что сахар нужен. Сходила быстро на кухню, взяла стакан и без стука к ним. А там, нате вам! Целуются!

– Да они же еще дети, – кто-то более сердобольный попытался вставить слово. – Ленке же четырнадцать всего.

– Ты посмотри на него. Мужик. И в штанах у него все по-мужицки было...

– Дура-а-а-а! Заткнись! Дура-а-а-а!

Чтобы не слышать ненавистный голос, мучающий, терзающий, противный, со всего маха саданул по подъездному окну ногой. Посыпались стекла. А он бил и бил по пустой раме, лишь бы не слышать крики соседей, и очнулся лишь тогда, когда в него вцепилась мама.

– Тише, тише...

Как безродный пес стоял он у ограды генеральского дома день, второй, третий, но Таня не выходила. Звонил, звал, его прогоняли, но он возвращался. Приходил домой, чтобы упасть на кровать и пролежать без сна до утра, накрыв голову душной подушкой.

– Ну, хватит! – тетя Саша сдернула джинсы у лежащего на животе Ленки и всадила в ягодицу иглу. – Целоваться уже умеешь, наслышана. Так и веди себя, как мужик, а не романтический хлюпик. Тоже мне, Ромео. Встал, умылся, поел, придумал план и решил все свои проблемы. За соседей не переживай, мы с маманей уже всех навестили.

Мама сдула кудряшку со вспотевшего лба.

– Тетя Саша пригрозила баб Нюре трепанацией черепа, если хоть раз рот откроет.

– Да я всего лишь скальпель ей показала.

– Ага, чиркнув у самого горла.

– У своего же, не у ее.

– Еще бы топором махать начала...

– Таня не отвечает на звонки... – язык стал ватным.

– Так напиши, – тетя Саша зачем-то посмотрела его зрачки, сдвинув пальцами веки. – Дубровского проходил? Вот тебе образчик мужчины.

– Там все плохо закончилось.

– А ты сделай свою версию, – мама стащила с ног сына носки, которые он не снимал, наверное, все три дня.

– Не трогай его, пусть поспит.

Планы негодились. От смилостивившегося сторожа Леня узнал, что Таню увезли в тот же день. Куда – неизвестно.

Два летних месяца Леонид провел на даче у деда. Мама и тетя Саша наезжали туда по выходным, принося полные сумки городских вкусок.

– Как он?

– Нормально. Что с ним, кобелем, делается, – дед прятал улыбку в усы.

Леня считал дни до школы, готовил нужные слова, часами разговаривал сам с собой, но когда увидел Таню, онемел: она стала на полголовы выше его. Прошла мимо, словно он превратился в невидимку.

Передал записку, где на белом клочке бумаги жирно нарисовал вопросительный знак. Ответ получил через Танину одноклассницу.

– Не ходи за ней. Татьяне не разрешают дружить с плохими мальчиками.

Глава 4. Губит людей не пиво

Лифт, спустивший своего пассажира на подземную стоянку, пришел одновременно со служебным, на котором приехал помощник директора Марк Дриз. По возрасту он был ровесником Леонида, но во всем остальном – полной его противоположностью. Укороченное пальто и брюки до щиколотки делали субтильную фигуру Марка еще более тонкой. Светлые волосы, выбритые у висков, были тщательно уложены. Из-под косой челки на мир с невинностью олененка Бэмби смотрели голубые глаза. Сложенные в ироничную улыбку губы и длинные пальцы, которые, как догадывались многие, умели нечто эдакое творить с женщинами, заставляли слабый пол сдаваться по первому требованию, стоило Марку с каким-нибудь документом появиться в дверях. У дам возраста «баба-ягодка» при виде эльфа просыпался материнский инстинкт: им хотелось прижать светлую голову к большой (или маленькой, смотря в какой отдел попадет) груди, что позволяло помощнику легко и быстро решить тот вопрос, на котором Скворцов с его прямолинейным директорским напором пробуксовывал.

Верно подметила заведующая лабораторией Агута Марина Станиславовна, когда описывала Глафире столь непохожих мужчин, как директор и его помощник: Скворцов – это мощный внедорожник, а Дриз – юркий велосипед, который проскочит там, где и танки не пройдут. «Правда, велосипед тот с новомодными блестящими рамами, а у внедорожника вместо резины шипы, которые любого зазевавшегося размолотят в фарш».

– Не хотела бы я быть сбита таким внедорожником, – заметила тогда Глаша, оценивая и директорские широкие плечи, и уверенную поступь, и взгляд, вычленяющий самое важное, но пропускающий такие мелочи, как новенькая «химичка» в белом халате с бейджиком на нагрудном кармане. Зато Дриз не прошел мимо – наклонившись следом за боссом к микрокопу, успел шепнуть в порозовевшее ушко Глафиры: «Классные духи».

Если сердце женщины, находящейся в поле зрения рабочего тандема «директор и его помощник», не разбивал уверенный и спокойный Леонид, то дело с блеском (той самой велосипедной рамы) завершал Марк. Те два года, когда Скворцова скрутила любовь к модели, за обоих отдувался Дриз.

Известие об аварии, в которой директор получил травму спины, опечалило заводской коллектив, правда, последующее сообщение, что босс стал одинок, поскольку моделька сбегала, дало надежду женской части и эту темноволосую голову прижать к большой или малой груди, смотря на какую тот положит глаз. И никого не смущала разница в возрасте или семейный статус – всем хотелось приглубить «несчастливого босса».

Однако несчастный не торопился пользоваться добросердечностью коллектива. После аварии он вообще не появлялся на заводе, офисные дела решались через Марка и главного бухгалтера. А когда Леонид показался, все без исключения отметили, что домашняя отсидка пошла ему на пользу – он посвежел-постройнел, и в его глазах появился тот азартный блеск, который помнили только старожилы.

– Садись за руль, – скомандовал Скворцов, направляясь к своей машине.

– Но тут же рядом...

Букет в руках помощника напомнил, что нужно поздравить очередную именинницу.

– Я выпил. Заскочим на минуту, потом отвезешь меня на Петипа. Еще раз напомни, как зовут новенькую?

– Не такая уже она и новенькая, – укладывая букет на сиденье, пробурчал Марк, понимая, что надежды повеселиться на дне рождения тают с каждой минутой. Сначала Петипа, потом

подожди пару часов, потом давай заскочим поужинать. – Глафира Степановна почти год замом работает.

Вновь услышав старомодное имя, Леонид представил «химичку» как старую деву в очках с толстыми линзами и родинкой на подбородке, из которой растут волосы.

Выезд из гаража загорела красная машина, которую Леонид безошибочно узнал.

– Откладывается Петипа, – сказал он Марку, распахивая дверь внедорожника. – Ты сам поздравь Глафиру Степановну. Ах, да, вот конверт.

И не оглядываясь, пошел вперед. Привычно открыл дверь и сел в Ягуар, который когда-то на стадии цветочно-романтичных отношений подарил Ольге. Тот резко тронулся с места, словно боялся, что пассажир передумает.

Марк выдохнул и улыбнулся сам себе.

– Ну что, Глаша? Погуляем?

В кафе веселье шло по-цыгански безудержно. Песни и пляски исполнялись с усердием агитбригад, в кои при Союзе входила добрая половина коллектива. Пенсионеров и приближенных к ним по возрасту работников Леонид жаловал, поскольку это те самые специалисты, которые с умом пережили девяностые. «Антикризисная команда» не раз выручала его. Когда Ленка, еще учась на втором курсе политеха, узнал, что стал наследником большого хозяйства, именно они подставили ему плечо и не дали надеть глупых ошибок.

– Как же я люблю все это! – Марк широко развел руки и вдохнул пьяный воздух. Поискал глазами именинницу, чье красное платье еще с утра разглядел под белым халатом, и широко ей улыбнулся. – Иди сюда красавица! Целовать буду!

Та со смехом подлетела и попала в тесные объятия, отяжеленные букетом роз.

– А где директор? – поинтересовалась словно невзначай.

– Тебе меня не хватит?

– Не выгоден ты мне один, – со вздохом ответила Глаша. – Так бы я в два раза больше поцелуев отхватила.

Огни фонарей за окном сливались в одну линию.

Светофор тревожно переключал свет.

Красный резал глаза.

– Куда мы едем? – Леонид, наконец, прервал затянувшееся молчание.

Ольга ответила не сразу.

– Домой.

– К кому?

– К нам.

– Нас уже нет.

Остановилась у его подъезда. Открыла дверь, впуская холодный осенний воздух.

– Нужно поговорить, – зябко подтянула к лицу ворот меховой шубки. Тоже его подарок.

В лифте ехали молча.

Ольга переступила порог, втянула носом воздух, находя в нем запахи свежего ремонта и дорогой мебели.

– Красиво.

Села на диван, как умела только она – словно в нескольких метрах от нее застыл фотограф. Погладила узкой ладонью белую кожу обшивки, небрежно скинула лодочки и подтянула ноги к подбородку, оплетая их ухоженными руками.

Леонид помнил, как любил гладить эти узкие коленки, проводить рукой по точеным икрам, целовать каждый палец, слыша вздох-стон, полный предвкушения.

Ольга, понимая, что все еще волнует бывшего любовника, откинулась на подушку и призывно посмотрела.

– Чего хотела? – Леонид стоял напротив дивана, засунув руки в карманы. Пиджак был сброшен на кресло.

– А ты стал жестче, – поднялась, понимая, что прежние уловки не работают. Не получив ответа, поинтересовалась: – Как твоя спина? – и, не дав открыть рот, быстро заговорила. Видимо заранее готовила оправдание. – Ты прости, что так все получилось. Знаешь, как я запаниковала? Ведь я даже женой твоей не была, а потому, как вдова ничего не получила бы. А твоя мама...

– Чего ты хочешь?

– Опять быть вместе. Мы же хорошо жили, помнишь?

– Нет, – Леонид со скукой в глазах посмотрел в темное окно, где отражалась напряженная фигура его бывшей любовницы. Почти жены. – Уходи.

– Ну почему? Я же вижу, что ты еще любишь меня. И я...

– Я едва сдерживаюсь, чтобы не выкинуть тебя с двадцатого этажа.

– Но...

– Считаю до трех. Раз.

На три хлопнула входная дверь.

– Сука.

– Сука, сука, сука!

Почти час он метался по квартире, как по клетке. Наливая коньяк, уронил бутылку, разбил пузатый фужер. В баре на глаза попала водка. Снял пробку и глотнул прямо из горлышка. Обжегшись, закашлялся.

– Сука.

В очередной раз стукнувшись о стену, понял, что ему не хватает места. Двести квадратов квартиры были тесны, как школьный пиджак в конце учебного года.

Чтобы потушить бушующий в нем огонь, он нуждался в свободе, холодном воздухе и... женщине.

Милонга? Нет. Туда не пойдет. Там пьяному делать нечего.

Выскакивая из подъезда, на ходу запахивая пальто, прокричал, махая рукой проезжающей машине:

– Такси!

В кафе гремела музыка, слышался смех и вой Марка, который перехватив микрофон у начальника цеха, пытался петь «Как упоительны в России вечера».

Леонид, швырнув пальто в руки изумленной гардеробщице, никогда не видевшей директора завода в таком состоянии, обернулся через плечо, провожая глазами женщину в красном.

«Женщина в красном, помоги несчастным...»

– Куда? Там женский туалет! – встрепенулась гардеробщица, и даже открыла перекладину, чтобы кинуться следом, но вовремя рассудила, что начальству видней, и вновь вернулась к своему вязанию.

«Женщина в синем, пойдем, покеросиним...»

Она красила губы. Невероятно красивые, чувственные. Будь Леонид потрезвей, различил бы и ясные глаза, умело подкрашенные тушью, и красиво уложенные волосы, но он видел лишь красные губы. Ну и платье, которое обтягивало круглую попу.

Незнакомка не успела оглянуться, как была прижата к стене. Тюбик с красной помадой с шумом покотился по кафельному полу.

«Боже, все повторяется!» – только и успела подумать Глаша, когда ее губы смял поцелуй.

Она хоть и нахлебалась до макушки шампанским, что заботливо подливал Марк, имея виды на продолжение банкета, директора узнала сразу и по пьяной глупости решила, что он пришел поздравить ее с днем рождения и подарить тот самый поцелуй, каким одаривал всех именинниц, вручая им конверты с деньгами. Даже вахтерша баба Катя, хихикая в кулачок, поделилась, что поцелуй Леонида Сергеевича, ох, как хорош. Пенсионерка по такому случаю даже заказала к юбилею новую вставную челюсть. «Врала, наверное», – пронеслось в голове, когда язык директора ворвался в рот.

«Наверное, я нарушаю регламент», – засомневалась Глаша, самозабвенно отвечая на поцелуй, и попыталась остановить натиск поздравителя, оттолкнув его. Он не позволил. Перехватил сначала одну руку, потом, когда Глафира вспомнила, что их две, вторую.

«Боже, какая привычная поза! – еще раз успела подумать Глазунова, когда обе ее руки впечатались над ее головой в стену, а тяжелое мужское тело заставило развести ноги. – Только третьеклашек не хватает».

Почувствовав холод кафеля на ягодицах, поняла, что узкое платье задралось до пупка и до «тех красивых ямочек на копчике», и теперь она, Глафира Степановна, должно быть, светит колготками, под которыми ничего нет. Тонкий трикотаж платья не позволил надеть трусы.

«Но кто же знал, что на моей попе окажется рука Скворцова?» – сняла с себя все обвинения Глазунова.

Виновник беспорядка в Глашином белье между тем пытался потрогать сокровенное, но никак не мог сообразить, что же ему мешает.

«Какие хорошие колготки. Надо бы купить еще парочку», – хозяйственная часть Глаши продолжала работать, несмотря на хмельное состояние.

– Простите, а у вас есть презерватив? – решила поинтересоваться она, прежде чем позволить рвать колготки. «Незачем зря добро портить».

Директор что-то промычал и перестал двигаться. Он просто лежал на ней, придавив к стене.

«Я как препарированная лягушка», – вспомнив занятия по биологии, хмыкнула Глазунова и встретила с большими глазами Марка.

– О, привет! – сказала ему Глаша и мило улыбнулась. – А я тут все-таки отхватила свой поцелуй.

Леонид проснулся, когда на улице еще не светили фонари. В окно стучался и сыпал ледяной крупной ветер. Осень сопротивлялась зиме дождливыми днями, но та упорно отвоевывала позиции и превращала лужи в катки.

Под одеялом было тепло, но как-то неудобно. В чем состоит это неудобство, Леонид понял, стоило ему потянуть за край пододеяльника: брюки, носки и даже туфли ночевали вместе со своим хозяином. И только рубашка валялась на полу, раскинув рукава, словно она чайка, готовая взлететь.

Стон вырвался из груди Леонида. Ладонь закрыла бесстыжие глаза.

Директор завода «Стройдом» все вспомнил. И ярость, обуявшую после встречи с Ольгой, и желание развеяться, и женские губы, что приманили, словно мотылька на свет лампы.

Скворцов вспомнил все, кроме лица женщины и момента расставания.

– Я трахнул ее или нет?

Нет худшего состояния, когда невозможно понять, получил ты удовольствие или обломилось.

И у женщины не спросишь. Во-первых, нужно еще выяснить, кто она такая, а во-вторых, может и такое случиться, что «потерпевшая» (если контакт все-таки состоялся) уже сидит в полиции и пишет на насильника заявление. Неизвестно на что нарвешься.

Надо бы действовать аккуратно.

«Угу. Я так умею, – Леониду было бы смешно, если бы не мерзкая жаба, которая сидела во рту и просила пить. – И вообще, как я попал домой?»

Батарейка сотового, лежащего тут же, в кармане брюк, сдохла, а потому Скворцову пришлось подняться и, преодолевая похмельный синдром, тянущий распластаться на полу, плестись по квартире в поисках трубки городского телефона. Путь «болящего», словно хлебные крошки Ганзеля и Гретель, усеивали брошенные вещи – галстук, туфли и носки, которые, по хорошему, нужно было снять еще вчера.

Трубка нашлась на кухне. Там же, где лежала бутылка с ледяной минералкой – в холодильнике. Леонид, отпивая по глоточку, посмотрел историю и узнал, что перед сном звонил двум абонентам: Марку и... Ольге. С Дризом разговор был короткий, всего семь секунд, а вот с Ольгой...

– Я не буду думать об этом в свой единственный выходной день. Не хочу его портить.

Марк ответил со второго звонка.

– Босс, сейчас всего шесть утра. Мы расстались совсем недавно.

– Кончай скулить. Коротко и ясно, к кому я вчера залез в трусы?

Дриз напряг память. «У Глафиры трусов точно не было. Одни колготки. Но не про них сейчас спрашивает Скворцов. Раз сказано отвечать коротко и ясно, так и сделаем».

– Никак нет, – рявкнул в трубку, заставив Леонида поморщиться. – В трусы вы ни к кому не лазили.

– Уф, – выдохнули с той стороны. Но тут же голос окрасился ноткой... нет, нотичей беспокойства. – А почему у меня ширинка расстегнута?

– Ну, босс, вам видней, – хмыкнул Марк. – Отлить, может, ходили.

«Мог. Резонно. Засчитывается», – немного успокоился Леонид. И помолчав, дал команду: – К десяти утра составить список всех женщин, пришедших в кафе в красном.

– Босс, но воскресенье...

– И желательно подтвердить фото.

Глава 5. Семья в беде не бросит

– Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,

Только утро замаячит у ворот...

– Мама, опять ты со своими революционными песнями! Сегодня же выходной! – Глафира еле разлепила глаза, но увидев улыбающуюся, румяную после холода маму, которая двигала по полу явно тяжелую коробку, перевязанную бечевкой, устыдилась. Ее пришли поздравлять, а она капризничает.

– Глядя, дорогая! Мы с папой тут подумали и решили подарить тебе столовый сервиз, который привезли из Польши.

Мама забыла уточнить, что в братскую страну они ездили еще до перестройки.

– Ты же помнишь его? Белый такой, с бумбушечкой в виде розочки на супнице, – Анастасия Кирилловна искала бурную радость на лице дочери. Пришлось изобразить.

– Правда?! Тот самый?! – Глаша спустила ноги с кровати, но вспомнив, что спала голая, на этом и ограничилась. – Вот здорово! Спасибо!

Потянула к маме руки, та суетливо обошла коробку и крепко обняла дочь.

– Расти красивой, умной, слушайся родителей.

– А где папа?

– Побежал цветы покупать. Мы забыли.

– Ну зачем, мам. Такая погода.

– Ему полезно. А то, как вышел в отставку, диван продал, – и, заметив черные круги под глазами дочери, тихо спросила: – Как ты? Все еще переживаешь?

– Ой, мамочки... – Глаша прижала пальцы ко рту, вспомнив, что творила вчера в кафе. Губы болели. Надежда, что туалетная возня с директором приснилась, мгновенно испарилась.

– Доченька, моя милая доченька, – мама обняла и покачала, как будто пыталась убаюкать неразумное дитя. – Зачем было разводиться, если все еще любишь? Мало ли что люди болтают. Если бы я всему верила, ты бы на свет не появилась.

– Мам, ты о чем? О разводе с Глебом? – Глаша погладила маму по спине. Локон, выбившийся из прически, щекотал нос. От одежды пахло корвалолом и сдобой, которая наверняка дожидалась праздничного чаепития на кухне. – Тут все просто: историю об его измене мы придумали, чтобы нас развели. Мы с Глебом монету бросали. Если бы выпала решка – я была бы изменщицей, а так вся слава досталась орлу.

– Тебе бы все шутить, я по глазам вижу, что маешься... – мама провела ладонью по щеке, словно пыталась стереть печаль с лица своей Глади. – Ночами не спишь.

– Ты права мама, маюсь, – Глаша стыдливо опустила глаза. Пальцы теребили кружево пододеяльника. – Только маюсь не от разлуки с Глебом. Там давно все кончено, года три как. Меня просто штамп в паспорте устраивал, а Глебу было все равно.

– Но ведь так любили друг друга. Еще со школы.

– Мам, то, наверное, не любовь была, а страсть. Перегорело все, стало рутиной. У него соревнования, полугодовые сборы, а у меня институт. Встречались – радовались, расставались – радовались...

«Потому что нельзя все время занимать сексом, нужно еще и разговаривать», – хотела добавить Глаша, но постеснялась.

– Я, как не пыталась полюбить баскетбол, так и не полюбила.

– Ребеночка бы вам...

– Чтобы склеить то, что не клеилось? Не надо, мама. Я ребеночка от другого хочу.

– От кого это наша Гладя ребеночка хочет? – вошел папа с большим букетом цветов. В комнате сразу стало тесно.

Степан – глава семьи Глазуновых полез целоваться.

– Папка, ты холодный!

– Выйди, выйди, дай дочери одеться! – Анастасия Кирилловна вытолкала мужа за дверь. Глаша потянула со спинки кровати теплый халат, накинула на себя, полезла в шкаф, откуда вытащила трусы.

– Ну-ка, признавайся, – зашептала мама, заметив на бедре дочери синяк, – от кого хочешь ребенка?

– Мам, я только мечтаю, – Глаша торопливо скручивала волосы. – Там еще ничего толком нет. Он может и имя мое не вспомнит, а мы тут сейчас нафантазируем.

– Как это имя не вспомнит? – папа сунул нос в дверь, помешав маме поинтересоваться, откуда взялся синяк. – Я зря тебе такое звучное дал? Это Лен, Наташ и Маш полно, а Глафира одна.

– Гладька, глупая ты у нас, – мама опять крепко обняла. А когда к своим женщинам присоединился папа, Глаша чуть не задохнулась. И от счастья тоже.

Споро накрыв стол, Глафира с удовольствием глотнула горячего чая. Толсто намазала на булку масло, откусила, от удовольствия закрыв глаза. «Как в детстве».

Только жила она тогда в другом районе, и квартира была трехкомнатная. Ту она считала домом, а не эту однушку, которую Глеб оставил «в наследство». В качестве извинения за то, что натворил.

Глаша знала, что многие женщины прощают мужей, изменивших им по «глупости», но измену с Кислициной, той, которая еще в выпускном классе организовала избиение соперницы, простить было невозможно.

Глеб стоял на коленях, а у Глафиры не было сил даже плакать. Все внутри выжгло напалмом. Чувства, желание иметь от Мельникова ребенка, надежду любить до гробовой доски. Только бросила на пол конверт с фотографиями, где Сонька улыбалась в объектив, прижимаясь к Глашиному мужу. «Недельные сборы в Питере», – Глафира видела те же памятные места, куда и ее когда-то водил Глеб.

«Люби меня, как я тебя, за глазки голубые...»

Это он уговорил не подавать заявление на развод, обещая подписать его сразу, как только Глаша потребует. «Не будем сжигать мосты. Дай нам время».

Но и три года не стерли из памяти наглую улыбку соперницы.

– Пап, а почему тогда, когда меня избили, вы не стали подавать в суд? Сняли экспертизу, нашли виновных, а дело так ничем и не закончилось...

Отец поперхнулся. Мама как-то затравленно посмотрела на него, а потом уткнулась в чашку.

– Ну, понимаешь... – Степан Глазунов, офицер МВД в отставке, старался подобрать правильные слова. – Мы с мамой решили, что не стоит тебя мучить. Походы в милицию, унижения... А у тебя выпускной класс, экзамены в институт...

«Унижения...»

Глаша посмотрела в окно. На улице было серо и уныло. Так же как и в тот день, когда в дверь к ним постучалась мама Кислициной. Глафира открыла сама и увидела, как за спиной соседки мнется ее дочь, не смеющая поднять глаза.

– Прости ее, прости, – умоляла Кислицына-старшая.

– Мама, не надо, – хватала за рукав матери Софья.

– Ее жизнь превратилась в каторгу. Милиция в школе каждый день. Соня как на раскаленных кирпичах. Прости...

– Нет, – ответила закаменевшая девочка и закрыла дверь.

– Я же говорила тебе! Говорила! Она не простит! – крик Софьи и рыдание ее матери окончательно лишили сил. Глаша сползла по двери на пол и, отгораживаясь от всего мира, уткнулась в колени. Ее трясло. Потом навалившаяся темнота скрутила тело в истерике.

– А нужно было? – папа положил большую ладонь на руку Глаши.

– Тогда я хотела.

Звонок телефона разорвал напряженную тишину.

– Да? – рассеянно спросила Глаша, даже не посмотрев, кто звонит.

– Глазунова, тебе хана! – громко донеслось с той стороны.

Папа и мама насторожились.

– Это с работы, – закрыв трубку ладонью, шепнула Глафира, поспешно покидая кухню.

И уже обращаясь к звонившему, прошипела: – Марк, ты чего так кричишь?

– Тебе хана, – понизив голос, еще раз повторил Дриз. – Директор ищет тебя.

– Ой!

– Вот тебе и ой.

– Что будет? Что будет? – Глафира заметалась по комнате.

– Уволят тебя за аморалку. Пьяная, в туалете, без трусов...

– Черт, ты и это видел?

– Ага. И грудь, которая из декольте вывалилась.

– Ой! – пискнула Глаша, комкая ворот халата, и только потом сообразила, что Марк шутит. Какая вывалившаяся грудь, если платье-футляр застегивалось под самым горлом?

Взяв себя в руки, обреченно спросила:

– Когда писать заявление?

– В понедельник сама в директорский кабинет занесешь. По собственному желанию. И оденься попроще. Никаких красных губ и пьяных глаз. Косметику вообще сотри.

– Хорошо.

Подняла глаза и увидела у двери встревоженных родителей.

– Увольняют? – папа достал из нагрудного кармана очки, словно они могли помочь лучше понять суть проблемы.

Глафира кивнула.

– За что? – выдохнула мама.

– За аморалку. Целовалась с директором.

– Ну-ка, дочка, поподробнее, – папа сел на кровать рядом с поникшей Глашей.

Глазунова-младшая замялась.

– Я красила губы в туалете, а тут он ворвался. Развернул и начал целовать, а потом уснул на моем плече. Стоя.

– Дай-ка мне телефон, – мама безапелляционно выхватила трубку из рук дочери. – Алло, здравствуйте. Это Анастасия Кирилловна Глазунова, мать Глафиры. С кем имею честь говорить? Ах, помощник директора...

– Мама, что ты делаешь? – зашипела Глаша.

– Степа, выведи ее отсюда. Дай серьезным людям спокойно поговорить.

Папа прикрывал спиной кухонную дверь, сторожа Глашу, которая грызла кулак, прислушиваясь к звонкому голосу матери, вот уже полчаса беседующей с Марком Дризом. Никакие угрозы, увещания и даже попытка штурмом взять крепость не подействовали. Степан Глазунов стоял горой.

Когда в дверь постучали, папа строго спросил:

– Пароль!

– Это у вас дочка целуется с директором?

– Нет, наша давно спит.

У Глаши отхлынула кровь от лица, когда она увидела с каким серьезным видом мама села за стол и положила перед собой исписанный листочек. Анастасия Кирилловна дождалась, когда муж торопливо придвинул свой стул ближе к дочери, сразу обозначив тем, что он всецело на стороне подсудимой. Строго взглянув на встревоженные лица родных, мама вдруг широко улыбнулась.

– Глядя, дыши ровней. Твой директор не помнит, с кем целовался.

Глафира расстроилась.

Анастасия Кирилловна, списав поникшие плечи дочери на испытываемую ею неловкость, ведь личную жизнь взрослой, бывшей замужем, женщины разбирают родители, поспешила успокоить:

– Ну, случилось у человека, выпил, увидел красивую женщину, и захотелось ему ее поцеловать, бывает. Ты тут ни в чем не виновата. Теперь надо помочь Леониду Сергеевичу выйти из неловкого положения. Директор все-таки, а тут такой казус.

– Казус? – хмыкнул папа. – Я же когда выпью, не лезу целоваться со всеми подряд.

Плечи Глаши поникли еще больше. Она чуть ли не лбом задевала столешницу.

– Не перебивай! – строго прищыкнула мама. – Мы с Марком Альбертовичем нашли решение, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Не стоит из-за ошибки одного, другому терять хорошую работу. А тут дело обстоит именно так.

Шумно отпив из чашки, мама продолжила.

– Ваш Скворцов запомнил красное платье. Помощник приготовил ему список всех женщин в красном, куда кроме тебя, Глядя, вошли еще трое. Директор также затребовал фотографии с твоего дня рождения.

– Фотографии? – Глаша вспомнила, что в ее телефоне их целая дюжина. Снимались в самом начале вечеринки, когда помады на губах еще не были съедены, а прически не растрепали веселые танцы.

– Марк покажет Скворцову ту, где все танцуют ламбаду.

Дочь, вспоминая дикий танец, хлопнула ладонью по лицу.

– Да не переживай ты так, – по своему поняла мама и, полистав в галерее телефона, нашла присланную помощником директора фотографию. – На, смотри, там лиц не разобрать. А тебя почти полностью загородил какой-то хлыщ в коротких штанишках.

– Это Марк и есть.

– А по голосу вполне солидный мужчина... – растерялась мама.

– Списки, фотографии – ерунда какая-то! – возмутился папа. – Я сам пойду к вашему Скворцову и скажу, что за свои поступки надо отвечать, а не выставлять девчонку виноватой!

– Тише ты, – махнула на него мама. – План Марка Захаровича в том, чтобы убедить директора, что той женщины в красном, с которой он целовался, в их коллективе нет. Кроме завода в этот день в кафе гуляли еще две организации, а туалет-то один. Мало ли на кого Скворцов нарвался. Поэтому и посоветовал тебе помощник директора одеться поскромней, да губы красной помадой не красить. Иначе уволят. Кому охота каждый день встречаться со своей ошибкой?

– Не так уж часто мы с ним встречаемся, – буркнула Глаша, когда папа, достав свои старомодные очки, напялил их на нос дочери.

– Смотри, мать, небольшая деталь, а как все меняет. Глядю в очках и я бы не признал.

Нечесаная, в халате, с тяжелой черной оправой на носу, Глафира чувствовала себя несчастной. В душе поднимался протест. Хотелось надеть красное платье, намазывать губы, накрасить бесцветные ресницы черной тушью, сделать дерзкий высокий конский хвост и заявиться в кабинет директора, грозно стуча каблуками. Наклониться, притянуть его к себе

за галстук и ... поцеловать. Чтобы дух перехватило. А потом громко хлопнуть дверью, чтобы Скворцов пожалел, что расстался с таким ценным работником.

Но работа была нужна. На шее родителей сидеть стыдно, а муж объелся груш, перейдя в разряд бывших.

И потом, уволься она, на встречах со Скворцовым, пусть и случайных, можно ставить крест. Нет, Глафира не хотела, чтобы их отношения, если и завяжутся, начались с пьяных поцелуев. И так напортачила, нечего еще раз в пекло лезть.

Папа, уходя, сделал вид, что плюнул на ладонь, после чего пригладил челку дочери на манер гитлеровской.

– Не дрейфь, Гладя, ты же Глазунова.

– Я воль, – браво ответила Глаша и приложила два пальца к верхней губе, к тому самому месту, где у мужчин растут усы.

Глава 6. Шаганэ ты моя, Шаганэ. Позор номер два

Леонид сидел в кабинете и пялился в монитор, где на увеличенной фотографии, присланной Марком, извивался в ламбаде весь заводской коллектив.

– Прав Дриз, прав, – шептал Скворцов, сканируя каждую фигуру в красном по десятому разу. – Нет среди наших той женщины. И быть не может.

Стрелка мыши прошла по лицу юрисконсульта. Молодящаяся худосочная «баба-ягодка» была одета как певичка кабаре. Обтягивающее блестящее платье, голые плечи, золото браслетов на руках, высокие каблуки, делающие конечности похожими на ноги фламинго, у которых кто-то безжалостно вывернул коленки в обратную сторону. Начесанные волосы собраны на макушке в пальму.

– Привет из девяностых. Еще бы челку «поставила».

Если юрисконсульта можно было охарактеризовать знаком минус, перевернутым вертикально, то следующая lady in red была жирным плюсом. Она единственная осталась сидеть за столом. Банан в пухлых пальцах материального бухгалтера в купе с открытым в предвкушении ртом выглядел неоднозначно.

Ее фигуру, запакованную в красный бархат, Скворцов определенно не забыл бы. «Просто задушила бы своей грудью».

Третья дама была хороша. И лицом, и фигурой.

Леониду нравились ямочки на ее щеках, поэтому всякий раз, проходя через заводскую проходную, где медсестра с алкотестером наперевес встречала рабочих, интересовался: «Дунуть?», после чего несколько секунд наслаждался смущенной улыбкой.

– Почему не она? – с сожалением спросил самого себя Скворцов, поскольку праздничный наряд стройной женщины совсем не соответствовал тому, который Леонид запомнил. Брюки отличались от платья кардинально: их он не смог бы задрать до пупа, желая добраться до соблазлившей его попы.

Вздыхнул еще раз. К медсестрам у него особое отношение.

Четвертая – судя по списку та самая Глафира Степановна, танцующая с Марком, в приступе смеха так высоко задрала голову, что невозможно было не только ее рассмотреть, но и определить, какой она национальности. Раскрасневшееся лицо, глаза – узкие щелочки. «Якутка что ли?»

Растопыренные руки Марка, похабно выгнувшегося в характерном движении ламбады, не позволили толком увидеть фигуру «якутки».

«Надо бы как-нибудь заглянуть в лабораторию», – сделав заметку в памяти, Леонид отключил компьютер.

Посмотрел на часы. По давнему распорядку в воскресенье «мамин день». Неявка засчитывалась уважительной только по причине заграничной командировки, тяжелой болезни и безвременной кончины. Похмелье в любой форме в расчет не принималось.

Скворцов, все еще чувствуя себя разбитым, вызвал служебную машину.

Приехал начальник охраны – невысокий широкоплечий мужчина с сильными залысинами и внимательными глазами.

Сдержанно поздоровался.

– Петр Иванович, это вы вчера привезли меня домой?

– Да, Марк вызвал.

– Вы видели девушку, которая была со мной? В красном платье.

Короткий взгляд в зеркало заднего вида.

– Леонид Сергеевич, вы были одни. Если не считать гардеробщицы. Коричневое платье, пуховый платок, обрезанные валенки.

– Марк тоже говорит, что никакой женщины не было, – скорее себе, чем водителю, сказал Скворцов. – Ну не приснилась же?

– Могла. Когда я вас из подсобки забирал, вы спали. Пришлось на спине тащить.

Скворцов оторопело посмотрел на Петра Ивановича.

– Сильны! Во мне девяносто килограмм.

– Служба, – коротко ответил тот.

Леонид отвернулся к окну. Водитель, решив, что босс злится из-за того, что его тащили, словно мешок картошки, попытался успокоить:

– Марк уверен, что заводские даже не подозревают, что вы приходили в кафе. Все чисто.

– Хорошо. Остановите у магазина на Набережной.

– Леня, как у тебя дела? Хорошо себя чувствуешь? – мама подкладывала пельмешек. Беспокойный взгляд красноречиво говорил – выглядит сын не ахти.

– Нормально, – заметив, как сжала губы, поправился. – Мам, на самом деле нормально.

– Ммм, поэтому тебя глава охраны внизу поджидает? Сам Леонид Сергеевич рулить не в состоянии? – тетя Саша отодвинула занавеску и ткнула вилкой в ту сторону, где Петр Иванович нарезал круги вокруг машины.

– Ой, надо бы домой позвать. Сегодня холодно, – забеспокоилась мама. – Я его на кухне покормлю.

– Как хочешь, – сын сложил тарелки и по заведенной в доме традиции понес грязную посуду в мойку. Засучил рукава, но тетя Саша ущипнула за локоть.

– Идем, поговорить нужно. Мама сама справится.

Тетя Тося, прижимая трубку к уху, с беспокойством оглянулась, но ответивший на звонок охранник отвлек.

– Ленчик, давай выкладывай, что с тобой вчера было, – Александра Михайловна закрыла за собой дверь, села на кровать, запроваленную покрывалом с оборками, и потянула за собой Скворцова.

– Выпил. С кем не случается? – Леонид лихорадочно перебирал в голове, кто мог его сдать. Марк? Петр Иванович? Гардеробщица?

Тетя Саша, знающая сына подруги как облупленного, сразу выложила козыри.

– Мне Ольга звонила, плакала.

– А чего она хотела? – на взгляд тети Саши, Леонид ответил на удивление равнодушно. А он мысленно выдохнул, поняв, что шалости в женском туалете еще не выплыли наружу. – Думала, что я объятия раскрою и ее со старой мебелью назад приму? Умерла, так умерла.

– Не хочешь принимать, не надо. Но зачем троллить?

– Троллить? Вы и такие слова знаете? И когда это я ее троллил?

– Ночью, по телефону. Называл Шаганэ, читал есенинские стихи, а потом, когда Ольга поверила тому, что ты ее простил, потребовал, чтобы она несколько раз произнесла «Шотландия» и «Лонг-Айленд». Девчонка губу раскатала, что ее за границу повезут, а ты как серпом по яйцам: плохо шипишь, у других лучше получается. И повесил трубку. Вот к чему эти издевательства?

– Черт, – Скворцов закрыл глаза.

«Шот-шот-лонг». Только в пьяную голову могла прийти мысль, что рыжая незнакомка – настырная Ольга, напавшая парик. Хотя она и не на такие ухищрения способна, когда стремится достичь желаемого. Но нет, фигура не та. Бывшая подруга выше нечаянной любовницы на полголовы, да и грудь у нее – максимум первый размер. Моделька.

– Вот тебе и черт. Надежду в девке разбудил. Она теперь с тебя не слезет. Шипение на обиду свалит, а любовные стихи запомнит. Что у пьяного на языке...

– Черт, зачем я в субботу на работу поперся? Ведь хотел к деду в деревню свалить. Он попариться звал.

– Да, лучше бы там парился, чем здесь, – тетя Саша встала, но Леонид потянул ее за руку назад.

– У меня тоже вопросы есть. Помните, в конце лета вы выписали рецепт?

– Ну, помню. Потанцевать отправила на улицу Петипа.

– А кто была та женщина, которую вы ко мне подослали?

– Какая женщина, Ленчик? – тетя Саша в недоумении подняла брови. – Мало ли кто с тобой танцевать захотел? Там этих танцовщиц пруд пруди.

– Вы попались, Александра Михайловна. Женщина не случайно ко мне подошла, я теперь это точно знаю. Она разыграла целый спектакль. Учить начала доверчивого лоха: «Вы забыли? Шаги длинные и короткие! Шот-шот-лонг-лонг», – передразнил он рыжую. – Тогда я повелся, потому что ничего не понимал в танго.

– А теперь понимаешь?

– Теперь да. Взять хотя бы обувь, в которой она пришла. Ценители милонги ни за что не надели бы остроносые туфли.

– Ах, какие придирчивые! Ошиблась она? Видел фильм «Легкое поведение»? Там такое танго – закачаешься! А героиня, между прочим, в остроносых туфельках. Посмотри, советую.

– Не этот ли фильм навел вас на авантюрную идею?

– И что? – тетя Саша не понимала, почему кипятится Ленчик. – Незнакомка тебя чему-то плохому научила? Спина с тех пор вроде не болит? Когда в последний раз о ней вспоминал?

– Да я постоянно о ней думаю.

– О спине?

– О Рыжей, – Леонид скривился. И как дал маху? Проговорился на ровном месте. – Мне не нравится, когда меня за нос водят. Колитесь, Александра Михайловна. Как зовут вашу целительницу душ?

– Пойду, матери помогу, – тетя Саша поднялась с кровати, но Ленчик не позволил уйти – встал на пути.

Александра Михайловна была не из робких, да и телосложением бог не обидел. Схватила Скворцова за ухо, как когда-то в детстве, и оттащила от двери.

– Не знаю я никакой целительницы, – строго сказала она, держа Ленку в полусогнутом состоянии. – И знать не желаю. А ты, Ленечка, вместо того, чтобы ковыряться в прошлом, лучше бы делом занялся. С девушкой приличной познакомился. А то мать внуков никак не дождетя.

Натренированная рука хирурга оставила неизгладимый след на внешности Скворцова. Ухо отливало малиновым до конца дня.

– Слышала, он назвал ее рыжей? Сашенька, что же теперь делать? Он что, всерьез Виолеттой увлекся? Не стал бы Ленчик тебя к стенке прижимать, если бы эта вертушка ему не понравилась.

– Ничего делать не будем. Молчим. Знать ничего не знаем.

– Я-то уж точно молчать буду. Не понравилась она мне. Не такую сноху хотела...

– Ты и Ольгу не жаловала.

– Уж лучше Ольгу.

Тося вспомнила, как пару недель назад они с Сашей все-таки выбрались на Петипа. Хотя шел нудный осенний дождь, улица не была пустынной. Перед входом в манящие яркой рекламой здания разноцветные зонты закрывались, словно лютики в вечернюю летнюю пору.

В такой же горящий огнями клуб и нырнули подруги.

Небольшая сцена с блестящим шестом посередине и несколько столиков вокруг для приглашенных зрителей выглядели непривычно.

«Ну да, не в театр же пришли».

Первая же девица, вышедшая к шесту в коротеньких шортах и майке, которая больше походила на лифчик, неожиданно удивила мастерством: сделав несколько кругов вокруг пилона, вдруг взлетела куда-то вверх, посидела на полусогнутой ноге («Это называется четверка», – подсказала Саша), потом соскользнула вниз, прогнулась в спине и, взмахнув ногами, оказалась висящей вниз головой. Черные волосы, подстриженные на манер подружек американских гангстеров, падали на сильно накрашенное лицо хлесткими прядями, и тете Тосе, переживающей, как бы девушка не сорвалась, выполняя очередной трюк, хотелось собрать их под резинку.

– Это и есть Виолетта, – шепнула подруга, когда гимнастка (а как ее еще назвать?) убежала за занавес, а место у пилона заняла другая.

– Черненькая же?

– Я же говорю, парики надевает. Пойдем со мной, познакомлю.

Виолетта без черного парика была неузнаваемой. Короткие выбеленные волосы, за которые и ухватиться-то не удастся, если вдруг появиться такое желание, бедра в узких джинсах, оверсайз майка и голос с хрипотцой делали ее похожей на мальчишку.

– Александра Михайловна! – кинулась она обниматься с тетей Сашей, когда женщины, пропуская еще одну не менее ярко накрашенную «гимнастку», немного замешкались у входа в раздевалку. – Как это вы выбрались?

– А мы с мамой Леньчика решили посмотреть, где работает девушка, заставившая забыть его о больной спине.

Виолетта побледнела, вымученно улыбнулась тете Тосе и, извинившись, что ей пора принять душ, который вот только что освободился, поспешила уйти.

– Я позвоню, – крикнула она на прощание тете Саше и помахала ладошкой.

– Странная она какая-то, – поджала губы Тося. – «И вот такая понравилась моему сыну?»

– Нормальная. У нее скоро новое выступление. Пойдем в зал.

– Нет, давай на улицу, – Тося расстегнула верхнюю пуговицу трикотажной кофточки. –

Душно здесь как-то.

Скворцов не поверил Александре Михайловне.

«Знает она Рыжую. Знает, – размышлял он, сидя в машине. – Повела себя грубо, чтобы уйти от разговора. Почему?»

Посмотрел на затылок сосредоточенного Петра Ивановича.

«Было бы больше зацепок, поручил бы ему покопаться. Нужно подождать. Не она, так мать расколется. Не может быть, чтобы они не обсудили мое выздоровление. Что знает одна, непременно знает и другая. Хотя...»

На ум пришел случай, когда Александра Михайловна, как и обещала, и словом не обмолвилась матери. По сей день.

Леонид только заканчивал школу. Новый год в выпускном классе обещал быть веселым, но не повезло: в самый последний момент перед вечеринкой Леньку свалила высокая температура.

– Ты иди, – прохрипел он матери, которая вот уже неделю собиралась встретить Новый год с тетей Сашей в ресторане.

– Я бы не пошла. Зачем мне этот ресторан? Сиди, как привязанная, на стуле. Ни полежать тебе, ни телевизор посмотреть.

– Иди. Тетя Саша обидится. Я за тебя и полежу, и посмотрю.

– Правда, красивое платье? – мама повертелась. Юбка колоколом ей нравилась. – Саша выбрала. У нее хороший вкус, не то что мой, деревенский.

– Правда. Только цветастую шальними. Сюда больше синий палантин подойдет.

– И правда, – мама улыбнулась самой себе в зеркале.

Хлопнула входная дверь, и Леня закрыл ладонью глаза. Встать и выключить свет сил не осталось.

Вдруг в замке опять завозился ключ.

– Это я. Встретила новую соседку, она, оказывается, медсестрой работает. Уколы умеет ставить. Ты позвони ей, если совсем худо будет.

На журнальный столик рядом с телефоном легла бумажка с накарябанными цифрами.

– Мам, свет выключи. Оставь ночник в коридоре.

Щелкнул выключатель.

– Я дверь не закрываю, чтобы ты не вставал. Все, пошла.

«Надо бы маме новое пальто купить. Это куцее какое-то, подол платья на целую ладонь длиннее», – подумал Леня и провалился в тягучую темноту.

– Что же ты не позвонил? – чья-то прохладная рука легла на лоб. – Подожди немного, я за шприцом сбегаю.

Леня не понял, приснилось ему или нет, но кто-то сильный перевернул его на бок, сдвинул резинку трусов и, шепнув «Потерпи», всадил в ягодицу иглу.

Диван прогнулся под чужим телом, а Леня улетел в страну кошмаров. Телефонная трубка начала расти, грозя похоронить его под собой. Он отбивался, а она брызгалась водкой. Зуб не попадал на зуб, а трубка брызгалась и брызгалась и терлась пластмассовым боком о кожу.

– Нужно в больницу, – знакомый голос заставил на мгновение приоткрыть глаза. Над ним стояла тетя Саша в белом халате, надетым поверх праздничного платья, а рядом мама. Плачет. Закрывает дрожащими пальцами рот. И еще кто-то чужой. Со смоляными непокорными волосами, мелкими спиральками падающими на чистый лоб, и пронзительными темными глазами, в которых плескалось беспокойство.

«Красивая. Похожа на Шаганэ. Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера что ли...»

– Бредит.

– Я сбивала, но меньше сорока не опускается, – произнесла «Шаганэ». – Литичка не помогла.

«И губы у нее красивые. И родинка на подбородке. Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

– Ты все правильно сделала, девочка. Такое при гнойной ангине бывает. Идет интоксикация. Ну что, Тося, скорая едет?

«Шаганэ» пожала руку. То ли проверила температуру, то ли пожелала: «Держись».

Она пришла в больницу. Положила на тумбочку бумажный пакет с яблоками. В палате, отравленной хлоркой и лекарственными «ароматами», сразу запахло летом.

– Шаганэ.

– Кто это? – спросила она, заправив прядь курчавых волос за ухо. Придвинула стул, села, поправив наброшенный на плечи халат.

– Есенинская Шаги. Ты похожа на нее.

Хотя медсестру, снимающую квартиру напротив Скворцовых, звали Анной, имя Шаганэ к ней прикипело. Она откликалась на него, когда Шаги и Леонид, оставались вдвоем. Ему нравилось смотреть в ее черные глаза с какими-то нереально длинными ресницами, проводить ладонью по спине, накручивать на палец жесткий локон, а ей нравились восторженность и нежность, которые дарил мальчишка.

Шаги первая поцеловала Леонида. Он смущался, когда она расстегивала его рубашку.

«Помнишь, это я растирала тебя водкой, когда ты горел от температуры? Я знаю каждую клеточку твоего тела».

Она была старше на два года. На два года больше видела, читала, пробовала. Она не скрывала свою сексуальность, была раскрепощена, ничто в ней не вызывало смущения.

«Может это из-за того, что я медик? Мы очень быстро теряем ту грань, за которой стыдное становится обыденным».

Ее прохладные пальцы вызывали дрожь. Она так умело обращалась с презервативом, что Ленька заметил его лишь тогда, когда отправился в ванную. Ошеломленный сильнейшим оргазмом, он шел пошатываясь. Шаганэ не осталась лежать на смятых простынях. Обхватила руками, прижавшись всем телом. Струи воды прочерчивали дорожки на ее смуглом теле. Темные соски упирались ему в грудь и вызывали новый прилив желания. Второй акт длился дольше. Вода не мешала. Скользкое дно ванны заставляло принимать нелепые позы, которые еще больше возбуждали.

Мокрые лежали они на кафельном полу, пытаясь отдышаться.

– Остался последний презерватив, – перевернувшись на живот, Шаганэ легко поцеловала в губы. – Изведем?

– Конечно, – тогда простой поцелуй мог вызвать стойкую эрекцию.

Когда и этот презерватив исчезал, кружась, в глотке унитаза, Ленька испытал легкое разочарование. Их первый с Шаги сексуальный марафон (а может и последний, если Ленька не оправдал надежд), подходил к концу. Домой не хотелось.

«Уснуть бы с ней, прижавшись тесно...»

Она как чувствовала. Поджидала за дверью. Показала будильник, завела его на шесть – время, когда мама заканчивает работу, и повела Леньку в спальню.

Он проснулся не от звонка. До него было еще полчаса.

Впервые в жизни ему делали минет.

Он был так же хорош, как и тот, который случился с Рыжей.

«Может Рыжая – это Шаганэ?»

Дома Скворцов перерыл все шкафы, но нашел томик Есенина «Персидские мотивы», на первой странице которого Шаги оставила ему послание.

«Встретимся, когда ты станешь взрослым. Твоя Шаганэ».

«Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера, что ли...»

Леонид поднес томик к лицу, вдохнул почти выветрившийся запах.

Шаги исчезла в один день. Уже зная, что больше не увидит ее, Леня нашел в почтовом ящике книгу, густо пахнущую терпкими духами.

В то утро, сбежав из школы, он в нетерпении жал на кнопку звонка. Стучал, не понимая, почему Шаганэ не открывает – она должна быть дома после ночного дежурства.

– Не барабань, – сказала Ленчику поднимающаяся по лестнице тетя Саша. – Анна здесь больше не живет.

Он сел на ступеньку.

Не хотел верить, что Шаги, еще недавно отвечающая смехом на поцелуи, которыми он осыпал ее тело, ушла, даже не попрощавшись.

– Но...

– Она замужем, – тетя Саша села рядом. – Ты знал об этом? И старше тебя на семь лет.

– На два года...

– На семь. Но и это не главное. Ты еще мальчишка. Тебе бы влюбляться в ровесниц, ходить с ними в кино, целоваться украдкой.

– Но мы любим друг друга... – горячо начал Леонид, но вдруг понял, что ни разу не слышал признаний Шаги. – И кто ее муж?

– Не важно, кто он и почему его нет рядом с Анной. Она не собирается разводиться и до ужаса боится, что муж узнает о вашей связи.

– Опять соседи донесли?

– Нет. Анна работает в моей больнице, я сама ее пригласила. Медсестра она хорошая, но язык за зубами держать не умеет, поделилась с одной из «подруг». Мне не составило труда сложить два и два.

– Мама знает?

– Нет. Я сама разговаривала с Анной. Она все правильно поняла.

Леонид уронил голову на колени.

Александра Михайловна потрепала его за вихры и с трудом поднялась.

– Идем домой, Ленчик. Чай попьем. Я ватрушек принесла. Специально пораньше с работы ушла, чтобы ты дверь в пустую квартиру не сломал.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

Глава 7. Царь, Тугрик и БДСМ

– Глазунова, ты сегодня за старшую. Марина Станиславовна заболела, – Сафронов, тот самый одноклассник, который два года сидел за одной партой с Глашей, пока его не сместил Глеб, выглянул из-за открытой дверки шкафа.

Привыкнув со времен школы, что в их паре Глаша самая умная, он, так и не определившись, кем хочет стать, сдал документы туда же, куда и Глазунова – на химфак. Но с треском провалив экзамены, протоптанную одно-партицей стезю не бросил. С помощью отца устроился в заводскую лабораторию, а когда место ушедшего на пенсию зама освободилось, смело предложил кандидатуру Глафиры. Правда, сам выше лаборанта так и не поднялся. «Нет во мне способностей к анализу. Я – робот, который четко выполняет программу. Дайте мне алгоритм, и я дам результат, но проанализировать, чем этот результат лучше или хуже предыдущего – увы, не способен».

– А что с ней?

Поняв, что сегодня некому будет работать с образцами новой партии битума, поскольку два лаборанта после субботней вечеринки тоже «заболели», Глафира надела синий халат и потянулась за прорезиненным фартуком.

– Простыла. Сама звонила. Голос как у Царь-колокола.

– Даже боюсь представить, как он звучит. У него же кусок отвалился.

– И не надо представлять. У Магуты, как и у Царь-колокола, голоса нет. Одно сипение.

Несмотря на свою мозговую увечность, Сафронов ловко придумывал прозвища и с пол-оборота внедрял их в массы. Массы подхватывали и охотно использовали. Так, Марина Агута – умная и интересная во всех отношениях женщина, лет десять как перемахнувшая балзаковский возраст, практически все знающая о продукции, выпускаемой в цехах «Стройдома», в одночасье стала Магудой.

Глаша догадывалась, что и она награждена хлестким званием «от Сафронова», но тот долго отказывался поделиться сокровенными знаниями. Но однажды Глафира его подловила. Используя тиски в качестве пыточного инструмента, все-таки добилась своего. Теперь она имела понятие – если коллеги обсуждают курс тугрика, значит зубоскалят о ней.

– Но почему Тугрик? – удивилась Глаша, выпуская на волю ладонь Олежки.

– Потому что Глафира Глазунова, – тот, скривившись, потер следы от зажима.

– Ну и?

– Не понимаешь? Два Г. А по-английски «два» – это ту. Отсюда и Тугрик. Согласись это лучше, чем просто Туг.

– Сволочь ты, Сафронов. Не мог раньше сказать? – Глафира вспомнила, как совсем недавно ее поразил интеллигентный диалог электрика и котельщика, мимо которых она, возвращаясь из заводской столовки, продефилировала под ручку с Марком.

– Тугрик явно пошел на повышение. Ставки делать будем? – задумчиво спросил электрик.

– Я полагаю, долго он на этой высоте не удержится. Валютный рынок нестабилен, – покачал головой котельщик. И оба, сняв рабочие перчатки, ударили по рукам.

– Что-то и ты сегодня какая-то бледная, – Сафронов заглянул в Глашины ясные глаза. – Не заболела случаем? Может, вместе с Магутой курила на ветру?

– Ты же знаешь, я не курю. Просто не накрасилась.

– То-то думаю, почему у меня вдруг под ложечкой засосало? А это, оказывается, ностальгия по школе. Тогда все было просто и понятно. Глашка не пользовалась косметикой, и никто кроме меня не замечал, какая она красивая.

Сафронов не стал упоминать имя умника, который тоже однажды различил, что Рыба перестала быть Рыбой, за что Глаша была очень благодарна.

– Да, кстати, с утра Мрак звонил. – С Дризом Олежка не шибко мудрствовал – просто переставил буквы имени. – Тебя спрашивал.

– Наверное, результаты субботних испытаний хотел получить, – Глафира сделала вид, что копается в сумке, хотя ее сердце отбивало голливудскую чечетку сороковых годов. Этот безумный танец двух чернокожих парней она как-то видела на ю-тубе.

– А это тебе зачем? – удивился Сафронов, заметив, что Глаша достала из сумки старомодные оптические очки и переложила их в нагрудный карман халата. Олежка сам давно перестал быть очкариком – перешел на линзы.

– Что-то в последнее время мелкий шрифт расплывается, – и, боясь, что Олег пустится в пространные рассуждения о пользе похода к окулисту, приказала командным голосом: – Кыш, тебя КиШ* ждет! Образцы уже на столе.

(*Кольцо и Шар – метод испытания битумных кровельных материалов.)

Только разогрела в кружке битум, как в дверь заглянул старший механик.

– Ну и воняет у вас здесь! – он помахал перед носом рукой. Оpozнав в чучеле в халате до пят и стоящем лопатой фартуке Глафиру, кисло улыбнулся. – Глазунова, ступай в заводской офис. Царь приехал. Злой как черт.

Глаша беспомощно оглянулась на встревожившегося Сафронова.

«Ну, вот и конец», – ее сердце пропустило удар.

Не в пример офису, располагающемуся в центре города, в котором обитала элита компании – торговая группа и юридический отдел, заводская контора была гораздо скромней. Ни тебе стекла и хромированных деталей, ни контраста белого с черным, ни бесшумного лифта, за считанные секунды уносящего в небо. Кряжистое здание с двумя колоннами и высоким крыльцом больше напоминало купеческое гнездо, чем обитель Богов Дебета, Смет и Математики. Так бухгалтерию, отдел проектирования и инжиниринговую группу называл Сафронов, которого природа обидела и в этом направлении.

– Ты, Глафира, поосторожней с БДСМ, – предупредил Олежка, когда школьная подруга по какой-то надобности шла в контору. – Узлы и бандажи – в этом наши инженеры профи.

Готовясь предстать перед грозными очами Царя, Глазунова застегнула на все пуговицы синий халат, что мешком сидел на любой фигуре (снабженец с выбором одежды для техников и уборщиц особо не заморачивался), обулась в рабочие ботинки, скрутила волосы в тугую дулю, нацепила на нос папины очки и тепло попрощалась с онемевшим коллективом. Двенадцать человек, забыв об измерительных приборах, журналах регистрации и подгорающих испытательных образцах, проводили Глашу скорбным взглядом: только что цветущая, пусть и не накрашенная, девушка превратилась в унылую женщину неопределенного возраста.

– Я не понял, она куда отправилась с таким лицом, – пришел в себя техник Вася, ставя, наконец, на пол рулон кровельного материала весом под пятьдесят килограмм, – к директору или на плаху?

– Правильно она закомуфлировалась, – оценил Глашины старания вахтер, зашедший стрелнуть сигаретку, – целее будет. Скворцов прибыл с полчаса назад и разве что зубами не скрипел. Я таким злым давно его не видел.

В конференц-зал – он же кабинет директора, где по центру располагался большой овальный стол, на котором через каждые полметра в ожидании бурной дискуссии и пересохших глоток замерли бутылки с водой, Глафира вошла на трясущихся ногах.

Тишина оказалась обманчивой. Кроме Скворцова за столом сидели Дриз, который даже не поднял глаза, юрисконсульт, контроллер ОТК и начальник цеха по производству сэндвич-панелей. Каждый внимательно читал лежащие перед ними документы.

По тому, как юрист нервно переворачивала страницы, а колено начальника цеха подергивалось, Глазунова поняла, что произошло нечто страшное.

– Рекламация, – беззвучно прошептала контролер, оторвавшись на минуту от чтения.

– З-з-здасьте, – Глаша прижала руку к животу, в котором мгновенно образовалась сосущая пустота.

– Я так понимаю, вы заместитель Марины Станиславовны? – голос Скворцова был сух. Глафире даже показалось, что она идет по затихшему в предчувствии беды лесу, где под ногами с треском лопаются сучья. – Садитесь.

Она поправила сползшие очки и неловко села на краешек стула. Перед глазами все плыло и меняло очертания. Большие диоптрии не позволяли правильно оценить картину мира. «Как я вообще дошла до офиса?».

Шелест бумаги и перед Глафирой появился тот же набор документов: страницы текста и фотографии.

– Что вы скажете на это? – спросил Скворцов, вставая за ее спиной.

Глаше пришлось низко наклониться, чтобы понять, что на фотографии запечатлена белая панель со следами ржавчины.

– Это наша продукция? – не поверила она.

Кивок начальника цеха смел все сомнения.

– Монтаж первого цеха был произведен в мае месяце. Не прошло и полгода...

– Этого не может быть, я сама несколько раз перепроверяла указанную партию металла. Боялась ошибиться, ведь я только устроилась на работу. Все показатели были в норме, цинк двести сорок, – хорошая память и копия протокола испытаний помогли ответить уверенно.

– Заказчик требует прекращения договора, возврата денег, возмещения расходов на транспортировку и предстоящий демонтаж трех цехов. Сотня тысяч долларов, – последние слова Скворцов произнес раздельно. Каждое из них тяжелой плитой упало на плечи присутствующих.

– Не может быть, – твердо произнесла Глафира. – Даже если металл был поврежден в процессе производства и монтажа, цинковый слой защитил бы от коррозии. – Она сняла очки и внимательно просмотрела фотографии. – А тут я не вижу ни задира, ни царапин. Заказчик прислал образцы? Нет? Я думаю, нужно выехать на объект и посмотреть все на месте.

– Я тоже так думаю, – подал голос Марк. – Завод по производству подгузников находится в трехстах километрах от нас, и если мы с Глафирой Степановной выедем с утра пораньше, к ночи управимся.

Глаша так увлеклась изучением фотографий, что не заметила, как закончилось экстренное собрание. Вздрогнула, когда Дриз тронул за плечо.

– Машина будет у твоего подъезда в шесть утра.

Повернув голову, Глафира встретила с внимательным взглядом Скворцова. Опомнившись, вновь напялила очки на нос и, суетливо собрав документы со стола, покинула конференц-зал. Между лопатками жгло. Она готова была дать руку на отсечение – директор продолжал смотреть ей в спину.

«Ну что за курица! – в душе Скворцова поднималось раздражение, когда «химичка», низко склонившись над фотографией, подслеповато трогала пальцем рыжие пятна ржавчины, словно снимок мог передать шероховатость поврежденного металла. – Оправу хотя бы подобрала посовременней».

Едва Глазунова вошла в кабинет, Скворцов понял, что никогда не стал бы целовать такую женщину. Тщедушная фигура в бесформенной одежде, ноги в грубых ботинках, и бабушкина «букля» на затылке. В его царство робко вошла сестра-близнец Екатерины Пушкаревой. У Катьки из любимого сериала мамы хотя бы была перспектива обратиться в прекрасного лебедя, однако Скворцов преобразования так и не заметил. Что с очками, что без, для него Пушкарева оставалась малопривлекательной женщиной.

Когда встал за спиной «химички», желая ткнуть ее носом в проблему, которую она с таким трудом различала, заметил в широком вороте халата тонкую и какую-то беззащитную шею. Пальцы сами непроизвольно потянулись, чтобы ухватить ее покрепче, но небольшой поворот головы Глафиры Степановны отвлек – взгляд Скворцова переместился на гладкую щеку, на которой рассыпались бледным золотом веснушки.

Пришло осознание: «Да она совсем молодая!».

Первый интерес к ней проявился лишь тогда, когда Глазунова вдруг горячо запротестовала, приводя веские аргументы против обвинений в адрес поставщика металла, и гнетущий страх, кричащий: «Все пропало, шеф!», схлынул.

«А мы еще поборемся», – понял Скворцов, когда убежденность зама завлаба заразила и его. Он сам хотел предложить поездку на объект, но и здесь заводская Катя Пушкарева проявила инициативу, которую тут же, опережая босса, перехватил Дриз. Скворцов хотел было остановить расторопного помощника, заменив его кандидатурой юриста, который принес бы больше пользы в скандальном деле, но неожиданно отвлекся на глаза Глафиры Степановны: чистые, ясные, светло-серые, не испорченные макияжем, которым так сильно грешат заводские дамы. Юриконсульт, протягивая на подпись командировочные удостоверения, тут же проиллюстрировала тот самый «нашенский» боевой раскрас, взмахнув неестественно длинными ресницами, оттененными густой подводкой.

Слушая вполуха, о чем спорят Марк и начальник цеха, Скворцов вернулся к рассмотрению лица «химички». Высокий лоб, аккуратный нос, пухлые губы чуть большеватого рта привлекали какой-то детской чистотой линий. Леонид тут же вспомнил, что видел такой свою школьную подругу Таньку. «Только у генеральской принцессы были ямочки на щеках, а у этой на подбородке». И если бы не Дриз, загородивший путь, Скворцов подошел бы ближе и потрогал эту ямочку, чтобы потом поднять лицо женщины и заглянуть в ее хрустальные глаза.

Наваждение спало, когда Глазунова вновь надела очки. И снова ее взгляд стал рассеянным и растерянным. Двигаясь так неуверенно, словно бредет в тумане, Глафира Степановна направилась к выходу, на ходу натягивая рабочую куртку со светоотражающей полосой. «Наверное, и защитная каска где-то здесь», подумал Скворцов, глубоко в душе сожалея о том, что в жизни этой Кати Пушкаревой не нашелся мужчина, способный превратить гадкого утенка хотя бы в милую уточку.

– Ну что? Царь гневаться изволили? – Сафронов поджидал у дверей и, не заметив ответной улыбки на лице Глаши, взял за руку и повел к креслу, словно больную.

Олежка готовился кинуться на помощь Глафире, даже надел куртку и каску, увидев, как сильно общество БДСМ-щиков подействовало на кремень-мужика в лице начальника цеха: тот пробежал мимо, задавая себе темп речитативом из отборных ругательств.

Глотнув воды из стакана, поднесенного притихшим техником Василием, Глаша вытерла рот тыльной стороной ладони и «убила» собравшихся вокруг нее сотрудников одной фразой: «Дела наши фиговые».

Осушив под нетерпеливые взгляды стакан до последней капли, словно только что пробежала марафон, пояснила:

– Если не докажем, что четко проводим входной анализ сырья, лабораторию разгонят к чертовой матери. Наберут более умных и внимательных. Поставьте в известность Нехлюдова. Скажите, что прислали рекламацию на партию панелей, изготовленную из его металла. Завтра выезжаю на объект, желательно, чтобы Нехлюдовский технолог приехал туда же. Марине Станиславовне я позвоню сама. Олег, проверь переносную лабораторию. Сумку передашь помощнику директора, поедем на его машине.

– Мрак! – только и сказал Сафронов, вынимая из шкафа объемный пластиковый контейнер со множеством заполненных склянками делений, походным микроскопом и прочим мелким оборудованием, могущим помочь в полевых условиях.

Глафира вытащила шпильку, засунула руки в волосы, растрепала их, чувствуя, как собравшееся напряжение потихоньку уходит. Закрыла глаза, давая себе короткую передышку и возможность осмыслить все то, что видела. И не фотографии проржавевшего металла возмущали мысли Глазуновой, а пустой взгляд, с которым ее встретил директор.

«Оделась как чучело, вот и получила по заслугам», – упрекнула себя Глаша. Судя по ситуации, грозящейся обернуться катастрофой, пусть и не вселенского масштаба, но ощутимо бьющей по репутации «Стройдома», поведи себя Глафира как распутная красотка или забитая лабораторная мышь, результат был бы одним и тем же – увольнение за профнепригодность. Именно такие мысли пришли к ней в голову, когда Скворцов начал задавать свои вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.